

С.Я. Лавренов *

**О ПРЕЕМСТВЕННОСТИ ГЕРМАНСКОГО
ВОЕННО-СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XX ВЕКА****

*Федеральное государственное казенное военное образовательное учреждение
высшего профессионального образования*

*«Военный университет» Министерства обороны Российской Федерации
(Военный университет)*

123001, Москва, ул. Б. Садовая, 14

*Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования*

*«Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова»
119991, Москва, Ленинские горы, 1*

100-летняя годовщина начала Первой мировой войны, приближающееся празднование 70-летия Победы в Великой Отечественной войне, вновь актуализировали споры в академических кругах о причинах, характере и последствиях этих поистине трагических событий. При этом возрождаются уже казалось бы давно развенчанные мифы о превентивном, оборонительном характере военных действий Германии во время обеих мировых войн. Для того чтобы показать несостоятельность этих утверждений, автор провел сравнительный анализ военно-стратегического планирования Германии накануне Первой и Второй мировых войн. Первая часть статьи посвящена изучению планов военного и политического руководства Германской империи в конце XIX — начале XX в. Уже в этот период были предельно четко сформулированы стратегические проблемы, которые вытекали из особенностей геополитического положения страны и которые предопределяли характер и содержание военного планирования. Во второй части статьи показано, какие уроки извлекли германские стратеги из поражения в Первой мировой войне. Отмечено, что они остались верны концепции молниеносной войны, однако внесли в нее ряд существенных дополнений: дальнейшее развитие получила идея тотальной войны, особое внимание было

---

* *Лавренов Сергей Яковлевич* — доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Военного университета Министерства обороны Российской Федерации; ведущий научный сотрудник факультета мировой политики МГУ имени М.В. Ломоносова (e-mail: lavrs2009@yandex.ru).

** Исследование выполнено при финансовой поддержке РГНФ, проект № 14-31-12089 «Политико-стратегическое содержание планов Третьего рейха в отношении СССР».

обращено на необходимость концентрации политической и военной власти в одних руках. Эти и другие идеи легли в основу военно-стратегического планирования нацистской Германии, которое с самого начала носило ярко выраженный агрессивный, экспансионистский характер. Процесс разработки и основное содержание немецких военных планов накануне Второй мировой войны подробно изучены в третьей части статьи. Автор показывает, что военно-стратегическое планирование нацистской Германии отличали те же пороки, что были присущи и планированию кайзеровского периода, в первую очередь сосредоточенность исключительно на военных проблемах, недооценка роли экономических и политических факторов и которые привели к появлению неоправданно рискованных, нереалистичных военных планов.

Ключевые слова: Первая мировая война, Вторая мировая война, Великая Отечественная война, Германия, Германская империя, Третий рейх, военно-стратегическое планирование, блицкриг, тотальная война, Советский Союз, план Шлиффена, план «Барбаросса».

В значительном сегменте отечественной и зарубежной историографии особенности военно-стратегического планирования кайзеровской Германии и Третьего рейха рассматриваются не в качестве дискретных феноменов, обусловленных неповторимыми международными реалиями и внутривнутриполитическими условиями, а как сопряженные этапы в целом преемственной германской военно-политической стратегии [Безыменский, 1961; Дашичев, 2009: 72–80; Кокошин, 2014: 11–71; Айххольц, 2002: 57–62; Фишер, 1962; Хильгрубер, 1965; Залевски, 2003; и др.]. Рубежным событием, обозначившим данный подход, стала публикация книги Ф. Фишера «Рывок к мировому господству» [Fischer, 1962], в которой на основе широкой документальной базы был выдвинут тезис о континуитете политико-военной стратегии кайзеровского и нацистского периодов истории Германии, отличавшейся целеустремленностью и упорством в достижении поставленных экспансионистских по своему характеру целей.

В преддверии 100-летия начала Первой мировой войны эта проблема вновь стала предметом оживленных научных дискуссий. Реконструкции подхода Ф. Фишера, в частности, был посвящен специальный номер журнала «Journal of Contemporary History», в котором приняли участие такие известные немецкие историки, как А. Момбауэр, С. Петцольд, Т. Отте и др. [Mombauer, 2013; Petzold, 2013; Otte, 2013]. Выявление общего и особенного в происхождении двух мировых войн было задачей ряда других публикаций, например сборника статей «Первая мировая война, Вторая мировая война. Сравнение: война и опыт войны в Германии» [см.: Минц, 2014: 23].

Дискуссия показала, что ряд исследователей придерживаются точки зрения, в соответствии с которой обе войны, зародившись в условиях кризиса мировой, прежде всего европейской, цивилизации, тесно взаимосвязаны по своему генезису, несмотря на неповторимый конкретно-исторический ландшафт. Эта точка зрения была высказана, в частности, известным немецким историком М. Залевски в книге «Первая мировая война» [см.: Минц, 2014: 22–23]. Однако при этом нередко воспроизводятся версии, которые, казалось бы, уже были преодолены в ходе предшествующих научных дискуссий. Наиболее распространенным примером является тезис о «превентивном», оборонительном характере планирования военных действий со стороны Германии как против России, так и в последующем — против Советского Союза.

Эта проблема, став одной из ключевых уже в ходе известного «спора историков» в Германии (1986–1987), по-прежнему остается предметом активных дискуссий не только в ФРГ, но и в России. Одна из причин заключается в том, что данная дискуссия носит выраженный политизированный, а не только академический характер. Когда в момент разгара «спора историков» в консервативных средствах массовой информации ФРГ появились материалы, в которых нападение вермахта на СССР именовалось «превентивной войной» [Topitsch, 1986; Jeismann, 1987; Nolte, 1986; Хоффман, 1993; Musial, 2008; и др.], одновременно прозвучали требования переосмыслить содержание операции «Барбаросса», фактически сам характер войны против Советского Союза. Хрестоматийным в этом отношении стал подход, изложенный немецким историком Э. Топичем в нашедшей в свое время книге «Война Сталина», в которой автор утверждал, что Советский Союз в 1939–1941 гг. преследовал «империалистические цели» по отношению к своим западным соседям, предъявил Германии «ультимативные требования» в ноябре 1940 г. (в ходе переговоров В.М. Молотова и А. Гитлера в Берлине), и Германии в силу сложившихся обстоятельств ничего не оставалось, как предпринять «упреждающий удар», чтобы «своевременно себя спасти» [Topitsch, 1986: 140–145]. Версия Э. Топича о том, что советское руководство «само спровоцировало» А. Гитлера на нападение, чтобы «предстать перед всем миром в качестве жертвы агрессии», занимает устойчивое место в современной немецкой историографии.

Предпринимаются попытки придать оборонительный характер военно-стратегическому планированию Германии и накануне Первой мировой войны [Kiliani, 1964; Schweppenburg, 1963; Ерин, 2012: 5–8]. Одним из последних примеров подобного рода является дискуссия, которая развернулась вокруг труда, вышедшего в Германии

в 2007 г. — «План Шлиффена. Анализ и документы». В данном исследовании стали доступными ранее не публиковавшиеся германские стратегические планы, содержавшие основные оперативные соображения фельдмаршала А. фон Шлиффена [Der Schlieffen plan, 2007]. Несмотря на то что опубликованные документы неопровержимо доказывают наступательный характер плана Шлиффена, последний, по мнению одного из участников дискуссии — американского исследователя Т. Цубера, был сторонником оборонительного контрнаступления, как, впрочем, и его преемники, которые были вынуждены инициировать наступательные действия под давлением угрожавшей международно-политической обстановки [см.: Ерин, 2012: 6].

Тесно сопряженным с рассмотренным тезисом о «превентивности» действий Германии является утверждение об отсутствии у Берлина цельного плана ведения войны, т.е. о преимущественно ситуативном, «импровизационном», «многовариантном» характере его реагирования на вызовы и угрозы, а также возникшие благоприятные международно-политические условия для эффективного использования военной силы в целях разрешения кризисной ситуации в свою пользу [Post, 1996]. Этот вопрос носит принципиальный характер, поскольку позволяет не только «оправдать» агрессию нацистской Германии, но и возложить единоличную ответственность за крах «блицкрига» против Советского Союза на А. Гитлера, обелив военную элиту, причастную к планированию и ведению войны. Однако, как показывают материалы статьи, несмотря на действительно ситуативный характер принятия ряда решений, в конечном счете они исходили из долгосрочных принципиальных стратегических установок А. Гитлера, полностью разделявшихся высшим военным руководством нацистской Германии.

Таким образом, проблема планирования войны Германией накануне мировых войн по-прежнему сохраняет актуальность как в силу своей особой, в том числе политической, значимости, так и вследствие наличия дискуссионных, не до конца проясненных вопросов, характеризующих такой сложный процесс, как планирование войны.

В настоящей статье предпринята попытка провести сравнительный анализ военно-стратегического планирования Германии в первой половине прошлого века. При этом автор преднамеренно оставляет за скобками рассмотрение политико-идеологических оснований планируемой войны. Подобный подход обусловлен тем, что эти аспекты подробно изучены в отечественной и зарубежной историографии [Дашичев, 1973; Вторая мировая война. Дискуссии.

Основные тенденции. Результаты исследований, 1996; Великая Отечественная война. Т. 1, 2012; Jacobsen, 1968]¹.

Цель статьи — показать, что, несмотря на существенные различия, обусловленные конкретно-исторической обстановкой и субъективным фактором в виде конкретных лиц, принимавших решения, для военно-стратегического планирования Германии накануне мировых войн были характерно немало общего. Причина этого в первую очередь в том, что руководству как кайзеровской, так и нацистской Германии в силу амбициозных внешнеполитических программ, а также заданности центрально-европейского географического положения приходилось решать схожие проблемы. Важнейшие из них — необходимость поочередного разгрома основных протагонистов (в условиях неизбежной или предполагаемой войны на два фронта); выбор направления первого, наиболее мощного, удара, который должен был в кратчайшие сроки вывести из войны одного из противников (при сдерживающих действиях на другом фронте); определение основного способа ведения военных действий, позволяющего добиться задуманного; привлечение на свою сторону как можно большего числа союзников и поиск путей ослабления враждебной коалиции; оценка возможного развития международно-политической обстановки с началом военных действий. Очевидно, что решение названных масштабных задач без заблаговременного долгосрочного планирования было невозможно.

* * *

К началу XX в. сложились необходимые предпосылки для проведения Берлином активной экспансионистской политики. Германия (наряду с США) по многим экономическим показателям догнала, а по отдельным обогнала стран-«тяжеловесов» того времени — Англию и Францию, а также Россию, переживавшую экономический подъем. Впечатляющие успехи были достигнуты

---

¹ Преступные цели — преступные средства: Документы об оккупационной политике фашистской Германии на территории СССР. М., 1985; Совершенно секретно! Только для командования! Стратегия фашистской Германии против СССР: Документы и материалы. М., 1967; Ямпольский В.Н. «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» (А. Гитлер, 31 июля 1940 г.): Документы спецслужб СССР и Германии. 1937–1945 гг. М., 2008; Мировые войны XX века. Кн. 4. Вторая мировая война: Документы и материалы. М., 2005; Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1989; Fall Barbarossa. Dokumente zur Vorbereitung der faschistischen Wehrmacht auf die Aggression gegen die Sowjeunion, (1940–1941). Berlin, 1970; Akten zur deutschen Auswartigen Politik 1918–1945. Ser. D. Baden-Baden, 1950. Bd. 1. S. 22–23; Auf antisowjetischen Kriegskurs. Studien zur militarischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR. Berlin, 1970; и др.

в строительстве сухопутных сил и военно-морского флота. По мнению известного отечественного историка А.М. Зайончковского, германская армия того времени могла служить «образцом для ряда других армий» [Зайончковский, 2000: 21]. Это обстоятельство, среди прочего, имел в виду германский политик Б. фон Бюлов (в 1900–1909 гг. — канцлер Германии), заявивший в ходе выступления в рейхстаге в 1897 г.: «Времена, когда немец уступал одному соседу сушу, другому — море, оставляя себе лишь небо <...> — эти времена миновали <...>. Мы требуем и для себя места под солнцем» [Мировые войны, 2005: 39].

Ограничения, связанные с континентальным положением Германии и статусом второстепенной колониальной империи, предполагалось преодолеть за счет форсированного развития мощного военного флота, который должен был стать эффективным инструментом проведения «мировой политики» (Weltpolitik) в надвигающейся борьбе за передел мира [Hoyer, 2010: 1–2]. По мнению Б. фон Бюлова, задача его поколения заключалась в том, чтобы «одновременно оберегать наше континентальное положение, являющееся основой нашего мирового престижа, и развивать наши заокеанские интересы»². Что касается задач в отношении ближайших соседей, то дискутировались различные варианты концепта «Срединной Европы», предполагавшего утверждение Германии разными путями в качестве доминирующей державы на континенте [см.: Первая мировая война. Т. 1, 2014: 140; Троян, 2012; Зомбарт, 1924: 206; Daniel, 1894: 95].

Масштабная политическая программа Берлина требовала операционализации, воплощения в соответствующих оперативно-стратегических соображениях и планах, тщательной проработки способов использования военной силы для достижения далеко идущих целей. Перед Первой мировой войной главная проблема для Германии заключалась в необходимости планирования боевых действий на два фронта — против Франции на западе и России на востоке, которые при определенных условиях могли рассчитывать на поддержку своего мощного союзника по Антанте — Великобритании.

Уже в апреле 1871 г. фельдмаршал Г. фон Мольтке-ст. писал, что «опаснейшим испытанием для существования молодой Германской империи была бы одновременная война ее с Россией и Францией, и так как возможность такой комбинации не может быть исключе-

---

² Бюлов Б. Германская политика. Пг.: Тип. Железнодорожных изданий, 1917. С. 29–30.

на, то следует заблаговременно принять в расчет средства для обороны в таких условиях» [Зайончковский, 2000: 35].

По мнению А.А. Зайончковского, с этого момента и вплоть до 1914 г. в Большом генеральном штабе велась разработка плана войны на два фронта [Зайончковский, 2000: 35]. Единственным выходом из ситуации, когда заведомо обреченную борьбу пришлось бы вести одновременно с двумя сильными протагонистами, был поиск пути, который мог бы привести к поочередному разгрому России и Франции до того, как они успели бы приступить к совместным действиям против Германии [Дашичев, 1973: 102]. Это могло быть осуществлено только в ходе стремительного генерального сражения с одним из противников, чтобы успеть передислоцировать основные силы для нанесения мощного удара против другого. Фактор времени в этих условиях приобретал решающее значение, что в конечном счете логически вело к необходимости разработки концепции скоротечной («молниеносной») войны, легшей затем в основу германского оперативно-стратегического планирования и подготовки театра войны. Необходимой предпосылкой для нее было превосходство германской армии над любым из своих противников, взятым в отдельности. Это превосходство должно было обеспечить проведение активно наступательных, маневренных, ошелмляющих противника по своему воздействию военных действий.

Размышления над тем, где с наибольшей вероятностью можно добиться быстрой и полной победы — на Восточном или Западном фронте, неоднократно претерпевали метаморфозу под воздействием менявшихся международных реалий. Так, начальник германского Генерального штаба Г. фон Мольтке-ст. (с 1858 г. — начальник прусского, а в 1871–1888 гг. — Большого германского генштаба), столкнувшись с тем, что Франция после поражения во Франко-прусской войне 1870–1871 гг. сумела быстро восстановить военный потенциал, пришел к выводу, что в первую очередь необходимо вывести из войны именно эту страну как более опасного противника. При этом он рассчитывал на нейтралитет Великобритании, которая, как правило, предпочитала держаться в стороне от эпицентра европейских катаклизмов, а также на то, что Россия не успеет отмобилизовать и сосредоточить свою армию против Германии до того времени, когда Франция еще не будет разгромлена [Зайончковский, 1938: 61]. Это была единственная возможность избежать изнурительной и бесперспективной войны на два фронта.

Однако заключение в 1879 г. австро-германского союза, позволявшего объединить военные потенциалы Германии и Австро-Венгрии, стало решающим аргументом для переноса направления первого удара на восток, против России. Разгромить русскую армию

планировалось одновременным наступлением не менее половины германской армии из Восточной Пруссии и всей австро-венгерской армии из Галиции. Наступление французской армии в это время должны были парировать оставленные на центральном фронте германские войска (в соответствии с последним вариантом плана Г. фон Мольтке-ст. — примерно треть германской армии) [Дашичев, 1973: 102].

В успехе задуманной кампании по-прежнему ключевую роль играл фактор времени: необходимо было в сжатые сроки разгромить русскую армию, чтобы успеть перебросить затем основные силы против французов. Эта задача рассматривалась как посильная в немецком Генеральном штабе. Как отмечал А.А. Зайончковский, «по быстроте окончания стратегического сосредоточения всех сил Германия и Австро-Венгрия обладали бесспорным преимуществом, что и позволило им на обоих важнейших направлениях предупредить своих врагов наступлением компактными массами» [Зайончковский, 2000: 12].

Помимо военно-технического превосходства германской армии огромное значение в достижении победы придавалось постоянной «шлифовке» военного искусства военачальников и боевого мастерства полевых командиров, обеспечению слаженности частей и подразделений, их умению взаимодействовать в боевой обстановке. Г. фон Мольтке-ст., в частности, настойчиво стремился развивать у командиров всех степеней самостоятельность мышления и действий, инициативность в принятии решений, умение идти на обоснованный риск [Власов, 2011: 135]. Оперативно-тактическая подготовка командного состава предполагала регулярное проведение командно-штабных игр различного уровня, в ходе которых совершенствовались оперативное и тактическое мышление военачальников, их навыки и умения по управлению войсками [Кокوشин, 2014: 10].

Преемники Г. фон Мольтке-ст. А. фон Вальдерзее и А. фон Шлиффен вплоть до 1894 г. в целом придерживались его стратегической концепции. Однако последовавшее затем изменение международно-политической и военной конфигурации на Европейском континенте (оформление франко-русского союза, улучшение мобилизационных возможностей России благодаря строительству новых железных дорог, возведение Петербургом системы оборонительных укреплений вдоль границ с Восточной Пруссией) вынудили А. фон Шлиффена пойти на пересмотр общего плана войны («Gesamtkriegsplan») [Дашичев, 1973: 102]. Тем более что и без дополнительных рисков путь на восток был сопряжен с большими трудностями. Известный военный теоретик К. фон Клаузевиц,

анализируя опыт наполеоновского нашествия на Россию, констатировал: «Россия своей кампанией 1812 г. засвидетельствовала, во-первых, что государство с большой территорией не может быть завоевано (что, впрочем, можно было бы знать и заранее) и, во-вторых, что вероятность конечного успеха не во всех случаях уменьшается в соответствии с числом проигранных сражений и потерянных столиц и провинций <...>, но что именно в сердце своей страны обороняющийся может оказаться всего сильнее, когда сила наступления противника уже истощится, а оборона с невероятной мощью вдруг перейдет в наступление...» [Дашичев, 1973: 102].

Против решающего наступления на восток говорило еще одно важное обстоятельство — угроза нанесения Францией удара «в спину» (в то время, когда основная часть германской армии была втянута в военные действия против России), захвата промышленного сердца Германии — Рейнско-Вестфальской области. Подобный сценарий был вполне возможен в случае наступления французов, в то время как основная часть германской армии была вовлечена в войну на востоке. По мнению А.А. Зайончковского, французская армия «основательно готовилась к маневренной войне; на практику походных движений больших масс было обращено особое внимание». По его словам, «...германцы вполне основательно считали французскую армию самым опасным своим врагом» [Зайончковский, 2000: 18–19].

Наличие этой угрозы вынудило А. фон Шлиффена вновь в качестве объекта первого удара выбрать Францию. Относительная компактность ее территории, досягаемость в короткие сроки жизненно важных промышленных и административных центров создавали благоприятные условия для того, чтобы, сосредоточив на Западном фронте крупные силы, разгромить французскую армию в кратчайшие сроки (по плану — за 39 дней), вывести ее из войны и, не опасаясь больше удара с тыла, всеми силами обрушиться на Россию [Grenville, 2000: 21].

Судьбу войны, по А. фон Шлиффену, должно было решить скоротечное генеральное сражение, основным содержанием которого стала бы борьба за фланги, поскольку фронтальным наступлением на первоклассные оборонительные укрепления, построенные французами вдоль границ с Эльзасом и Лотарингией после поражения в войне с Германией (1870–1871), добиться победы было невозможно. Обойти эти укрепления по территории Франции также было маловероятно, поскольку они практически доходили до границ нейтральных государств — Швейцарии и Бельгии: «...между Верденом и бельгийской границей тянулось всего пять дорог, и недостаточная ширина полосы вынудила Шлиффена выбрать на-

правление обхода через Люксембург и южную Бельгию, что окончательно было проведено в плане 1898 г.» [Зайончковский, 2000: 21].

В конечном счете ставка была сделана на стремительное наступление правым флангом германской армии в обход французских укреплений с севера — через территорию Бельгии, Люксембурга и Нидерландов, что позволяло выйти во фланг и тыл французской группировки войск. Блокировав Париж, германские войска затем должны были повернуть в сторону швейцарской границы и — при одновременном наступлении германского левого фланга на фронте от Бельфора до Вердена — окружить французскую полевую армию [Мировые войны XX века. Кн. 1, 2005: 76]. Решающая битва на уничтожение навязывалась французам вдали от их укрепленных районов, что рассматривалось в качестве важнейшей предпосылки успеха [Такман, 1999: 62]. После того, как французская армия оказалась бы прижатой к швейцарской границе, оставалось «подрубить» ее фланги, в результате чего противник оказывался в гигантском «котле». Для конечного успеха первостепенное значение приобретали слаженность и быстрота действий германских войск [Зайончковский, 2000: 22].

При этом захват Парижа рассматривался не только в качестве главного приза по итогам кампании — падению столицы Франции придавалось большое морально-психологическое значение. После этого, как ожидалось, должны были последовать упадок морального духа французской армии и окончательный коллапс ее сопротивления. В частности, К. фон Клаузевиц «преодоление воли противника» рассматривал в качестве одной из главных задач применения военных средств [см.: Кокошин, 2013: 36]. Принципиальные положения принятого Ф. фон Шлиффеном стратегического решения были изложены в памятной записке кайзеру Вильгельму II в декабре 1905 г. Сама записка впервые увидела свет в ФРГ в 1956 г.³

Впоследствии, однако, выяснилось, что равномерно сконцентрировать войска на обоих флангах, чтобы зажать «в тиски» французскую армию, из-за нехватки сил не удастся. Это вынудило А. фон Шлиффена принять решение о массировании сил в пользу правого крыла севернее Вердена за счет левого. На этом правом крыле, направлении главного удара, сосредоточивалась почти половина германских войск, что позволяло осуществить полуокружение французов. Тем временем ослабленные центр и левое крыло германской армии на фронте Эльзас-Лотарингии должны были играть роль своего рода приманки для французов, которые, по данным Большого генерального штаба, готовились развернуть на-

---

³ Ritter G. Der Schlieffen plan. München, 1956.

ступление в этом направлении. По мнению Б. Такман, «французскую стратегию не страшила угроза охвата правым крылом немецких армий. Напротив, французский Генеральный штаб считал, что, чем сильнее немцы укрепят свое правое крыло, тем слабее они сделают свой центр и левое крыло, где французская армия планировала свой прорыв <...>. Пока немцы будут совершать длинный обходной маневр, чтобы напасть на французский фланг, Франция ударит в двух направлениях, сомнет германский центр и левое крыло на каждой стороне укрепленной линии у Меца и победой в этом районе отрежет германское правое крыло от базы, таким образом обезвредив его» [Такман, 1999: 71]. Проблема для Парижа, однако, заключалась в том, что, несмотря на наступательную по своему духу военную доктрину, французская армия в профессиональном отношении была в недостаточной степени подготовлена к ведению широких наступательных действий [Van Evera, 1991: 61–62].

Осведомленный об этом, германский Большой генеральный штаб, уверенный в способности центральной группировки войск и левого фланга сдержать наступление французских войск, планировал после его отражения перейти левым крылом в контрнаступление, которое должно было привести к полному окружению французов. Повторились бы новые «Канны», но совершенно иных, гигантских масштабов. Важная роль в расчетах А. фон Шлиффена отводилась союзнице Германии по Тройственному союзу — Италии (с 1882 г.). Последняя, выдвинувшись на границу с Францией, должна была отвлечь на себя часть французских войск.

Делая расчет на сокрушающую мощь первого удара, А. фон Шлиффен готов был пойти на риск оставить Западный фронт без стратегических резервов. Весь расчет возлагался на внезапность, ошеломляющий и стремительный первоначальный удар, отлаженность германской военной машины, пробивную силу немецкой артиллерии. Подобный расчет имел под собой основания. Французская армия уступала германской не только по подготовленности к маневренной войне, но и по количеству и качеству как тяжелой артиллерии, так и легких полевых гаубиц, которым предстояло сыграть огромную роль в надвигавшейся войне [Зайончковский, 2000: 17]. Что касается угрозы со стороны России, то «в соответствии с германскими расчетами, ввиду огромных расстояний, многочисленности населения и слабого железнодорожного транспорта» считалось, что ей потребуется не менее шести недель для организации генерального наступления, а к этому времени Франция уже будет разбита [Зайончковский, 2000: 15].

Взгляды А. фон Шлиффена на характер предстоявшей войны были развиты в трудах ряда германских исследователей, в частно-

сти военного теоретика Ф. фон Бернгарди, издавшего труд «Современная война». Его идеи, изложенные в этой книге, получили широкое хождение среди политической и военной элиты Германии. Согласно Ф. фон Бернгарди, Германия могла добиться победы над потенциально более сильными противниками только посредством последовательного их разгрома, осуществляемого в кратчайшие сроки, т.е. «молниеносно». В связи с этим особое значение он придавал начальному периоду войны. Успех или поражение в этот период должно было сыграть для Германии решающую роль. Для того чтобы добиться успеха, необходимо сразу после завершения стратегического развертывания обрушиться на врага, ошеломив его силой первоначального удара, спутать его планы и расчеты и тем самым предрешить исход начальных операций в свою пользу. Если первое вооруженное столкновение не приведет к поражению одной из сторон, спасение заключается в выигрыше времени для накопления новых сил. Однако этих сил может и не оказаться в достаточном количестве, поскольку их исчерпает первая мобилизация, поэтому для Германии первое вооруженное столкновение будет решать исход всей войны. Именно подготовка к начальным операциям, разработка их замыслов и всестороннее обеспечение должны составлять сердцевину плана войны [Начальный период войны, 1974: 39].

Преемник А. фон Шлиффена Г. фон Мольтке-мл., вступивший в должность начальника Генерального штаба в 1906 г., был сторонником подобного подхода, а также идеи своего предшественника о необходимости первоочередного разгрома Франции в генеральном сражении, однако в последующем был вынужден принять ряд решений, которые привели к распылению сил и средств германской армии. В первую очередь это было обусловлено изменением роли российского фактора. С 1913 г. «Россия <...> начала приводить в исполнение большую военную программу, которая в 1917 г. должна была намного усилить русскую армию и во многом восполнить ее недостатки» [Зайончковский, 2000: 15]. Рост военной мощи России и ее мобилизационных возможностей вынудили Г. фон Мольтке-мл. развернуть в Восточной Пруссии дополнительно три полевых корпуса и один резервный (в составе 8-й армии) [Кокошин, 2014: 5].

Следующей новацией Г. фон Мольтке-мл. стало усиление левого фланга, осуществленное на этот раз под давлением влиятельных кругов германских промышленников, требовавших обеспечить надежную защиту Эльзас-Лотарингии от угрозы вторжения французской армии. В конечном счете на левом крыле германских войск было сосредоточено 8 полевых корпусов, центральная группировка

германской армии стала насчитывать 11 корпусов. Зато в составе основного правого крыла, предназначенного для решающего наступления через территорию Бельгии, осталось лишь 16 корпусов из намеченного 21.

С таким выхолощенным планом Шлиффена Германия вступила в войну. Реальный ход военной кампании стал быстро расходиться с запланированным. Ослабленный правый фланг оказался не в состоянии осуществить задуманный стремительный прорыв. Неожиданно стойкое сопротивление оказала бельгийская армия, на что Берлин не рассчитывал. Бельгийцы, существенно замедлив продвижение германских войск, предоставили французам возможность своевременно перебросить свои части на угрожаемое направление. Кстати для Парижа оказался и объявленный Италией нейтралитет.

3 августа 1914 г. король Италии Виктор Эммануил III заявил германскому императору Вильгельму II, что условия, при которых разразилась война, не соответствуют положениям договора о Тройственном союзе (согласно им Италия обязана была вступить в войну в случае, если Австро-Венгрия или Германия станут жертвами нападения). Поскольку Австро-Венгрия первой объявила войну Сербии, Италия получила основания для провозглашения нейтралитета. В результате расчет германского Генерального штаба на то, что итальянская армия отвлечет на себя часть французской, не оправдался. Тщетной оказалась и надежда Берлина на то, что Англия останется в стороне от войны на континенте, хотя Лондон в последние предвоенные годы давал для этого повод. Британская дипломатия, казалось, была заинтересована в том, чтобы «замаскировать остроту англо-германского антагонизма». Англия, «во-первых, заигрывала с Тройственным союзом при определении границ Албании, во-вторых, <...> она вела с Германией переговоры о возобновлении известного договора 1898 г. о разделе португальских колоний. Наконец, английская дипломатия перестала чинить Германии препятствия по финансированию Багдадской дороги. Переговоры о разделе португальских колоний в основном были завершены во время пребывания короля Георга V в Берлине в мае 1913 г. Визит этот и сам по себе имел значение демонстрации англо-германского сближения» [Хвостов, 1963: 773–775]. Однако уже 4 августа 1914 г. Англия объявила войну Германии и направила военные корабли в Северное море, Ла-Манш и Средиземное море в целях блокады вовлеченных в войну стран Тройственного союза, 8 августа началась высадка на континент британского экспедиционного корпуса.

Последовавшее затем французское контрнаступление, приведшее к ожесточенной битве на р. Марне, окончательно похоронило

план Шлиффена. Немцам не хватило сил для последнего удара и захвата столицы Франции. Значительно быстрее, чем предполагалось в германском Генеральном штабе, прошла мобилизация и в России. Вступление двух русских армейских корпусов в Восточную Пруссию заставило немецкое командование в спешном порядке перебросить на Восточный фронт дополнительные соединения. Русские корпуса были разбиты, но потребовавшиеся для этого силы привели к еще большему снижению ударного потенциала германских войск на главном направлении. Война приняла позиционный характер. Важную роль при этом сыграли успешные действия русских войск в Галиции в августе 1914 г. [Бержховский, Ляхов, 1965: 77].

Вместе с тем основную причину неудачи германской армии ряд исследователей усматривают в той существенной ревизии, которой подвергся план Шлиффена благодаря Г. фон Мольтке-мл. [Кокошин, 2014: 5]. Выдающийся военный теоретик и историк А.А. Свечин отмечал, что план Мольтке-мл. («к которому приложил свою руку Людендорф») «отличался от плана графа А. Шлиффена своей половинчатостью» [см.: Кокошин, 2014: 5]. В результате немецкая группировка на Западном фронте лишилась пробивной силы. Не разгромив вооруженные силы Франции в первые несколько недель, Германия фактически уже проиграла войну, несмотря на ожидавшие всех ее участников четыре года тяжелой изнурительной борьбы.

По мнению А.А. Свечина, с которым солидаризируется академик А.А. Кокошин, план Шлиффена действительно был полон риска, но риска осознанного. А.А. Свечин полагал, что если бы правый фланг германской армии не лишился пяти корпусов, то Германия осенью 1914 г. «без сомнения, изменила бы ход мировой истории», соответственно «есть основания предполагать, что мир мог быть заключен французами уже в сентябре 1914 года» [Кокошин, 2014: 5]. Такую же в целом позицию занимал и известный немецкий историк В. Хубатч: «Быстрого успеха на Западе при наличии меньших, чем у противника, сил можно было достигнуть, если бы удалось выступить на направлении главного удара при подавляющем превосходстве. Но начальник Генерального штаба не мог решиться на смелую операцию на правом фланге. Так военный исход был предопределен еще тогда, когда началось стратегическое сосредоточение и развертывание. Это была не “война упущенных возможностей”, а, скорее всего, мировая война, которую центральные державы не могли выиграть перед лицом подавляющей мощи Антанты...» [Hubatsch, 1955: 10].

Однако не только у Г. фон Мольтке-мл., но и у оригинального плана Шлиффена нашлись авторитетные оппоненты. Критикуя

соотношение сил между правым и левым крыльями германской армии, генерал Э. Людендорф в своих воспоминаниях подчеркивал: «Столь ограниченные силы, которые оставались Шлиффеном в Эльзас-Лотарингии <...> могли создать ненужную для успеха опасность, что было опаснейшей стратегической игрой. Если бы в Лотарингии было развернуто только 8 дивизий, как хотел Шлиффен, то 20 августа эти 8 германских дивизий могли бы оказаться (как показал ход событий) против 24 французских дивизий и при этом непосредственно на путях сообщения германских армий <...>. Я сомневаюсь, чтобы нервы вождей немецких армий могли выдержать то страшное напряжение, которое во всяком случае возникло бы при этом» [Коленковский, 1940: 56–57].

Проблема, на наш взгляд, заключалась не только в этом. По сути, германский Генеральный штаб планировал большую «игру ва-банк», балансирующую на грани неоправданного риска. Для победы германской армии независимо от любых изменений, вносимых в стратегические планы, недоставало объективных предпосылок. Задача, поставленная перед военными как А. фон Шлиффеном, так и Г. фон Мольтке-мл., в условиях преобладавшего совокупного потенциала стран Антанты была невыполнимой. Уже через две недели после начала наступления войска правого крыла германской армии стали испытывать недостаток в боеприпасах, не говоря уже об отсутствии стратегических резервов на случай непредвиденного хода событий. Когда это стало очевидно, коренным образом изменить ситуацию командование германской армии было уже не в состоянии.

Подобный исход обозначил еще одну важнейшую проблему, которая касалась не только Германии, но и планирования войны любым другим государством. В очередной раз выяснилось, что ни один даже самый тщательно отработанный план не в состоянии предусмотреть в полной мере «изменчивый» характер войны, учесть возможное влияние всех привходящих политических, военных и экономических факторов, определяющих динамику военно-политической обстановки. В частности, помимо указанных просчетов германское военно-стратегическое планирование и при А. фон Шлиффене, и при Г. фон Мольтке-мл. было рассчитано на вероятный нейтралитет Англии или по крайней мере на вялотекущий характер ее действий [Зайончковский, 1938: 61]. Германские политики и военные недооценили также возможность вмешательства в войну США и Японии на стороне Антанты [Дашичев, 1965: 158–159].

Однако вряд ли можно согласиться с утверждением, что если, «несмотря на шаткость политических и стратегических позиций Германии, ее правящие круги решились развязать мировую войну,

то это объясняется тем, что они надеялись быстро разрешить все внешнеполитические проблемы с помощью военных средств, даже несмотря на отсутствие для этого благоприятных условий» [Дашичев, 1965: 159].

По нашему мнению, Берлин в тот момент, напротив, торопился с инициированием военных действий, полагая, что более благоприятного момента для военного выступления в обозримом будущем не представится, если представится вообще. По справедливому замечанию Б. Такман, А. фон Шлиффен и его последователи, избравшие стратегию «решающей битвы», поставили судьбу Германии в зависимость от ее исхода [Такман, 1999: 65]. Неудавшийся «блицкриг» привел страну к многолетней «войне на истощение», чего так опасался Берлин и что было для него равносильно поражению.

* * *

Версальский мирный договор поставил германскую армию в тяжелое положение. По договору вооруженные силы Германии ограничивались 100-тысячной сухопутной армией (рейхсвер); обязательная военная служба отменялась, основная часть военно-морского флота подлежала передаче странам-победителям, были наложены жесткие ограничения на строительство новых боевых кораблей. Германии запрещалось также иметь многие современные виды вооружения — боевую авиацию, бронетехнику (за исключением небольшого количества устаревших машин).

В 1920-х годах над вопросами, связанными с осмыслением уроков Первой мировой и выработкой концепции будущей войны, активно работал генерал Г. фон Сект. Несмотря на то что Версальский договор предписывал распустить и Генштаб, Г. фон Сект поставил перед собой задачу во что бы то ни стало сохранить хотя бы его «дух» [Rabenu, 1940: 188]. В октябре 1919 г. командование новыми германскими вооруженными силами (рейхсвером) было возложено на генерала Рейнхарда. Г. фон Сект фактически возглавил «тайный генштаб», именовавшийся в тот период «войсковым ведомством» [Безыменский, 1964: 17]. После назначения Г. фон Секта командующим рейхсвером (1920–1926) одним из его первых распоряжений стало создание Имперского архива для всестороннего изучения опыта Первой мировой войны. Учитывая этот опыт, а также малочисленность состава рейхсвера, сам Г. фон Сект сделал ставку на разработку концепции «малой армии» — моторизованной, технически высоко оснащенной, маневренной, действующей при активной поддержке авиации и способной в конечном счете побеждать не числом, а умением. Как и перед Первой мировой войной, такая армия предназначалась для нанесения решительного

поражения противнику еще в начальных операциях, т.е. должна была достигнуть цели, которая намечалась, но не была достигнута в минувшей войне [Начальный период войны, 1974: 51]. В соответствии с таким подходом Г. фон Сект организовал строительство и обучение германского рейхсвера, заложив основу для последующего приоритетного развития танковых войск. В частности, под его руководством впервые в рейхсвере была проведена военная игра на тему «Использование мотовойск во взаимодействии с авиацией» с участием тогда еще капитана Г. Гудериана [Безыменский, 1961: 19].

Главный методологический урок Первой мировой войны — о необходимости превосходства совокупного потенциала Германии и ее союзников над своими противниками в качестве решающей предпосылки для победы — Г. фон Сект попытался по-своему интерпретировать в предложенной им концепции «тотальной войны», предполагавшей полную и всеобщую мобилизацию материальных и духовных сил нации ради достижения поставленных военных задач. Единомышленником Г. фон Секта был генерал Э. Людендорф, бывший генерал-квартирмейстер и фактически главнокомандующий кайзеровской армии, рассмотревший в своих работах «Тотальная война», «Война и политика» и других такие важные проблемы, как характер современной войны для Германии, соотношение политики и военной силы и т.п. [Безыменский, 1961: 17].

Согласно Э. Людендорфу тотальная война предполагает беспощадное истребление противника с использованием не только вооруженных сил, но и всех доступных средств и способов политической, экономической и психологической борьбы. Признавая, что конфликт может принять длительный характер, а это грозит для Германии, по опыту Первой мировой войны, тяжелыми последствиями, Э. Людендорф исходил из того, что тотальную войну необходимо закончить как можно скорее, чтобы на ее исход не повлияли нарастающие экономические трудности, которые сопровождаются утратой единства нации. Из этого вытекал логический вывод, что для Германии возможна только «молниеносная» война.

Сущность теории такой войны, по мысли Э. Людендорфа, состояла в том, чтобы, используя факторы внезапности нападения и превосходства в силах и средствах, с самого начала нанести решительное поражение первому стратегическому эшелону войск (армии прикрытия), а затем, развивая стремительное наступление в глубь страны, завершить разгром противника прежде, чем он сумеет мобилизовать и использовать свои потенциальные военные и экономические возможности.

Э. Людендорф считал, что Германии следует избегать войны одновременно на два фронта. Для этого необходимо заблаговременно

разобщить вероятных противников Германии, противопоставить их друг другу или нейтрализовать на время одного из них, тем самым обеспечив их разгром поодиночке. Однако он допускал ситуацию, когда Германии придется вести войну на два фронта. На этот случай он предусматривал максимальную концентрацию сил в борьбе с главным противником на решающем участке, чтобы в кратчайшие сроки нанести врагу решительное поражение, а затем перенести основные усилия на другой фронт для разгрома нового противника. Большое значение Э. Людендорф придавал захвату стратегической инициативы, что предполагало внезапное нападение без объявления войны [Начальный период войны, 1974: 51–52].

Не менее важной предпосылкой победы он считал максимальную концентрацию руководства в стране, позволяющую мобилизовать все ее возможности для достижения приоритетных военных задач, принимать важнейшие решения в сжатые сроки, добиваться их неукоснительного исполнения. По мнению известного германоведа Л.А. Безыменского, «центром этих идей был призыв к объединению военного и политического руководства в одних руках. Для Людендорфа, в отличие от Клаузевица, не война была продолжением политики иными средствами, а политика являлась лишь продолжением войны». Германия, считал он, проиграла войну 1914–1918 гг. только потому, что не смогла обеспечить единство между «полководцами» и «политиками». Во главе той Германии, которая будет вести новую войну, должен стоять «полководец». Он и только он «устанавливает задачи политики, которые она должна выполнить на службе военного руководства». Полководец-диктатор должен «вести войну по идеям, которые разрабатывает сам» [Безыменский, 1961: 17].

Г. фон Сект в целом разделял эти взгляды. По его мнению, «для полководца недостаточно быть хорошим солдатом. Он должен разбираться в делах внутренней и внешней политики». Обращаясь к урокам Первой мировой войны, он пришел к выводу, что причиной краха Германии стало отсутствие единства между политическим и военным руководством. Для того чтобы не допустить повторения подобного сценария, необходимо объединить в одних руках функции всего руководства, что «даст победу в войне» [Rabenau, 1940: 60]. Эта идея была не нова. Еще Г. фон Мольтке-ст. утверждал, что «...сфера вмешательства политики в стратегию должна быть ограничена определенными рамками: политика используется войною для достижения своих целей и имеет решающее влияние на ее начало и конец» [Кокошин, 2013: 42]. В ход операций ей вмешиваться непозволительно.

А. Гитлер разделял мнение Секта—Людендорфа о необходимости сосредоточения всей власти в одних руках как важнейшей предпосылке достижения победы в войне, так же, как и их взгляды на строительство высокоманевренной, технически оснащенной армии. Формирование войск, ударной силой которой должны были стать танковые и механизированные части, предназначенные для того, чтобы в тесном взаимодействии с авиацией осуществить «молниеносную» войну, было резко ускорено.

Ставка на «блицкриг», сделанная новым политическим руководством, была обусловлена тем, что проблемы, с которыми столкнулась нацистская Германия, намеревавшаяся в максимально возможной степени реализовать политику расширения «жизненного пространства», оказались во многом схожими с вызовами, возникшими перед кайзеровской Германией. Главные из них — угроза ведения изнурительной войны на два фронта, неготовность страны вследствие ресурсного дефицита к длительному конфликту и связанная с этим необходимость быстрее овладения ресурсным потенциалом побежденных стран для продолжения борьбы. Последняя идея уже фигурировала в разработках германских военных теоретиков. Еще А. фон Шлиффен, планируя вторжение в нейтральную Бельгию, руководствовался, в частности, намерением получить солидную военную компенсацию от бельгийских властей, после того как будет захвачен Брюссель. Однако нацистский режим придавал этому аспекту планируемой войны особое значение. А. Гитлер заявлял в ближнем круге: «Сегодня мы боремся за нефть, каучук, руду и т.д. Без вторжения в чужие государства или захвата чужой собственности этого невозможно достигнуть...» [Блейер, Дрехслер, Фёрстер, Хасс, 1971: 12].

Впервые в концептуальном изложении цели германской экспансии были оглашены А. Гитлером на совещании в Имперской канцелярии, состоявшемся 5 ноября 1937 г., на котором присутствовало высшее военное руководство страны⁴. Формальным поводом для созыва совещания стали претензии адмирала Э. Редера относительно недополучения стали и иного сырья, что ставило программу строительства германского военно-морского флота под угрозу срыва. А. Гитлер воспользовался ситуацией для изложения своей оценки экономического положения страны и внешнеполитической обстановки в целом, заявив, что в случае его смерти итоги конференции нужно рассматривать как «политическое завещание» [Aigner, 1985: 264].

---

⁴ Совершенно секретно! Только для командования!.. С. 52–62.

Необходимость перехода к политике завоеваний, заявил А. Гитлер, обусловлена тем, что режим экономической автаркии невозможен для Германии, поскольку не позволяет обеспечить ее достаточным количеством сырья и продовольствия. В «эпоху хозяйственных империй», утверждал он, «захват большого жизненного пространства» является единственным спасением, поэтому «добиться решения германского вопроса можно только путем насилия, что всегда связано с риском» [цит. по: Айххольц, 2002: 70]. А. Гитлером на совещании фактически была дана установка на подготовку Германии к войне [Evans, 2006: 359]. Для расширения экономического потенциала страны А. Гитлер планировал провести в Европе ряд «малых» войн. В повестку дня был поставлен вопрос о соответствующем военно-стратегическом планировании. В качестве первых объектов экспансии были названы Австрия и Чехословакия [Messerschmidt, 1991: 636–637].

Сроки полномасштабной войны с Англией и Францией были отнесены к периоду не позже 1941–1944/45 гг., поскольку, по мнению А. Гитлера, осталось лишь 5–6 лет до того, как «два антагониста, вдохновленных ненавистью» (Англия и Франция), сократят разрыв с Германией в уровне вооружений [Robertson, 1967: 106].

По итогам совещания 1937 г. трое его участников (В. Бломберг, В. Фрич и К. Нейрат), считая, что Германия не готова к войне на континенте, сочли предложенную А. Гитлером стратегическую концепцию чрезмерно рискованной. По их мнению, любая германская агрессия в Восточной Европе неизбежно приведет к войне с Францией из-за вовлеченности последней в систему оборонительных союзов, в случае же франко-германской войны неизбежно последует вмешательство Англии, что приведет к резкому изменению соотношения сил на континенте не в пользу Германии [Weinberg, 1980: 39–40]. До завершения перевооружения вермахта они предлагали воздержаться от стратегии «малых» войн.

Однако их рассуждения не оказали влияния на военные планы А. Гитлера. Он рассчитывал достичь поставленных целей, используя не только военный потенциал, но и весь арсенал политико-дипломатических средств. Балансируя на противоречиях между ведущими европейскими державами, манипулируя их стремлением направить германскую агрессию на восток, он рассчитывал, в духе Э. Людендорфа, не допустить образования антигерманской коалиции, т.е. избежать той критической ситуации, в которой оказалась Германия в период Первой мировой войны. Определенное время ему удавалось добиваться этого, что позволило достичь впечатляющих успехов в проведении завоевательной политики на Европейском континенте, но те же роковые вопросы, которые стояли перед кайзеровским руководством, продолжали довлеть и над ним.

После аншлюса Австрии (1938) и захвата Чехословакии (1939) вопрос о том, где наносить первый удар в надвигающейся «большой войне» — на западе или на востоке, гитлеровское руководство было вынуждено решать примерно так же, как и кайзеровский Генеральный штаб. После оценки возможных для Германии последствий гитлеровские генштабисты пришли к выводу, что единственно правильная стратегия в сложившейся ситуации — первоначальный разгром Франции, а затем Советского Союза. Это решение было принято несмотря на то, что в программе завоевательной стратегии Германии («личной» войне А. Гитлера), изложенной в книге «Майн кампф» (1924), главным объектом экспансионистских устремлений был назван Советский Союз⁵. Уничтожение социалистического государства и овладение его огромным ресурсным потенциалом рассматривались не только как императивное условие для закрепления господства Германии в Европе, но и как создание необходимого плацдарма для развертывания дальнейшей борьбы за мировое господство.

Этой принципиальной позиции, по крайней мере публично, А. Гитлер был верен, даже когда до краха Третьего рейха оставались считанные месяцы. 6 февраля 1945 г. он, в частности, заявил М. Борману: «Главной задачей Германии, целью моей жизни и смыслом существования национал-социализма являлось уничтожение большевизма. Как следствие, это привело бы к завоеванию пространства на Востоке, которое обеспечило бы будущее немецкого народа...» [цит. по: Безыменский, 1972: 15].

Тем не менее завоевание Советского Союза нацистское руководство отложило на дальнюю перспективу, чему были веские причины. Во-первых, проблема нападения на СССР была тесно взаимосвязана с позицией, которую могли занять Франция и Англия в отношении «восточной политики» Германии. Несмотря на то что Париж и Лондон подталкивали Берлин к агрессии против Советского государства, сложно было ожидать, что эта поддержка будет беспредельной, что эти ведущие западные державы не вынашивают замыслов обескровить и истощить в ожесточенной борьбе не только Советский Союз, но и Германию. А. Гитлер был уверен, что французский империализм никогда не смирится с гегемонией немцев в Европе [Дашичев, 1973: 102]. Значит, стоило вермахту втянуться в затяжные бои на просторах СССР, как с высокой вероятностью следовало ожидать удара с тыла. Особое опасение у А. Гитлера вызывала безопасность Рурской области, главной промыш-

---

⁵ Hitler A. Mein Kampf. Berlin, 1937. P. 650, 651, 663.

ленной базы страны. Он говорил по этому поводу: «Предпосылкой для любого успешного ведения войны является обеспечение бесперебойной работы Рурской области. Всякое серьезное нарушение производства в этой области не может быть восполнено производством в других районах. И это рано или поздно может привести к подрыву немецкой военной экономики и тем самым — военной мощи <...>. Поскольку эта слабость известна Англии и Франции так же хорошо, как и нам, англо-французское руководство, если оно захочет уничтожить Германию, попытается любой ценой добиться этой цели»⁶.

Наибольшую опасность для планов А. Гитлера представляла возможность формирования антигерманской коалиции между Советским Союзом, с одной стороны, и Англией и Францией — с другой, если бы у последних в оценке сложившейся военно-стратегической обстановки прагматичный подход возобладал над антисоветизмом. Германия была готова на все, чтобы не допустить даже намека на подобный союз. В этом ей помогло искаженное представление Лондона и Парижа об истинных намерениях Берлина в той сложной политико-дипломатической игре, которую вел А. Гитлер, — их надежда на то, что военные приготовления Германии нацелены на Советский Союз. Однако рейхсканцлер был во власти более грандиозных планов и не собирался возглавлять «крестовый поход» против СССР от лица всего Запада, «таская каштаны из огня» для других, на что там до последнего рассчитывали. Помимо агрессивных замыслов в отношении СССР руководство Третьего рейха не оставляло мыслей о реванше, сведении счетов с западными демократиями, навязавшими Германии в 1919 г. крайне жесткие условия Версальского мирного договора. В этой связи уничтожение традиционного соперника — Франции рассматривали в Берлине в качестве безальтернативной задачи. Разгром этого противника был важен также тем, что он должен был привести к изоляции Англии, склонить Лондон если не к союзническим отношениям, то к устойчивому нейтралитету, заставить принять притязания Берлина на доминирующую роль в континентальной Европе.

Для того чтобы не допустить формирования союза между западными державами и СССР, А. Гитлер был готов вопреки своим принципиальным политико-стратегическим установкам пойти на временное сближение с Москвой. Смысл такого шага он объяснил в одной из бесед с Г. Раушнинггом в 1934 г.: «Вероятно, мне не из-

---

⁶ Trial of the Major War Criminals before the International Military Tribunal, vols. 1—XXXXII. Nurenberg, 1947—1949. Vol. XXXVII, Doc. 052-L, P. 472, 473.

бежать союза с Россией. Я придержу его в руке как последний козырь. Возможно, это будет решающая игра моей жизни. Ее нельзя преждевременно начинать <...>. Но она никогда не удержит меня от того, чтобы столь же решительно изменить курс и напасть на Россию после того, как я достигну своих целей на Западе. Глупо было бы думать, что мы будем всегда идти прямолинейно, куда глядит нос, в нашей борьбе. Мы будем менять фронты, и не только военные...» [Дашичев, 2009: 77; Rauschnig, 1940: 126].

Таким образом, заключение пакта о ненападении между Германией и Советским Союзом в августе 1939 г. нельзя рассматривать в качестве импровизационного акта в ответ на вялотекущие переговоры СССР с англо-французской стороной, стратегически А. Гитлер был давно готов к этому. С точки зрения Берлина, заключение пакта помимо возможности избежать угрозы войны на два фронта позволяло сделать еще один важный шаг для подготовки нападения на Советский Союз. Проблема для вермахта заключалась в том, что, в отличие от ситуации накануне Первой мировой войны, ни Германия, ни ее союзники в тот период не имели географического соприкосновения с СССР. Это предполагало в качестве промежуточной задачи необходимость завоевания Польши. После того как Варшава отказалась вернуть Данциг (немецкое название Гданьска) Германии, предоставить немецким войскам «коридор» в направлении советской границы, а также присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, А. Гитлер окончательно исключил ее из числа возможных союзников. При этом он рассчитывал, что Великобритания и Франция, будучи гарантами независимости Польши, в реальности не захотят ради нее вступать в вооруженное противоборство с Германией⁷.

22 августа 1939 г. фюрер заявил следующее: «Мне было ясно, что конфликт с Польшей наступит рано или поздно. Я решил на него уже весной, но думал, что сначала обращусь против Запада, а только затем — против Востока. Но очередность нельзя установить заранее...» [цит. по: Безыменский, 1972: 49]. В беседе с В. Кейтелем он уточнил, что означала для него необходимость обращения на восток: «Наши интересы состоят в следующем: обеспечить этот район [Польшу. — Л.Б.] в качестве выдвинутого вперед плацдарма, который может быть использован в военном отношении и для сосредоточения...» [цит. по: Безыменский, 1972: 64; Gorlitz, 1961: 207].

После завоевания Польши выбор направления последующего удара вновь встал на повестке дня. Решающим аргументом в пользу

---

⁷ Келлерхофф С.Ф. Вторая мировая война: почему Гитлер напал на Польшу в сентябре 1939 года? // Die Welt. 30.08.2014.

продолжения войны на западе было стремление избежать наихудшего сценария — ведения борьбы на два фронта. 23 ноября 1939 г. в Имперской канцелярии, где состоялось очередное совещание фюрера с генералами, А. Гитлер задался риторическим вопросом: «...должен ли я сначала ударить против Востока и после этого против Запада или наоборот? Мольтке в свое время стоял перед такой же проблемой. События развернулись так, что началось с борьбы против Польши <...>. В 1914 г. началась война на несколько фронтов. Она не принесла решения проблемы. Сегодня пишется второй акт этой драмы. Впервые за 67 лет можно констатировать, что мы не должны вести войну на два фронта <...>. В первый раз в истории нам нужно вести войну только на одном фронте, а на другой руки у нас должны быть свободны. Однако никто не в состоянии предсказать, как долго так может продолжаться <...>. Мы сможем выступить против России только тогда, когда у нас будут свободны руки на Западе» [Jacobsen, 1961: 114 ff; Toynbee, Toynbee, 1958: 682]. По свидетельству бывшего адъютанта А. Гитлера Н. Белова, фюрер после разгрома Польши неоднократно во время бесед с генералами говорил, что ему необходимо «высвободить тыл» на западе для того, чтобы легче было «разгромить большевизм»⁸, а также существенно расширить ресурсную базу для дальнейшего ведения войны против Советского Союза.

А. Гитлер торопился, его подстегивало опасение упустить время, пока международно-политическая и военно-стратегическая обстановка не изменилась к худшему для Германии. Фактор «упущенного шанса» играл важную роль в принятии этого решения. Фюрер неоднократно возвращался к проблеме ведения войны на два фронта и в более позднее время, в частности в речи перед командирами дивизий перед началом Арденнского наступления 12 декабря 1944 г.⁹

Если неизбежность войны с Францией и Советским Союзом не подвергалась сомнению, то отношение Берлина к Англии прошло длительную и болезненную эволюцию. Долгое время А. Гитлер рассчитывал если не на союзнические отношения, то хотя бы на нейтралитет Англии, что было характерно и для кайзеровского руководства накануне Первой мировой войны. Стратегическая установка фюрера на необходимость любыми средствами добиться нейтралитета Лондона, что должно было обеспечить практически «идеальные» условия для разгрома Франции и последующего нападения на Советский Союз, нашла отражение не только в его

---

⁸ Below N. Als Hitlers Adjutant, 1937–1945. München, 1980. S. 183, 192.

⁹ Hitlers Lagebesprechungen. Stuttgart, 1962. S. 715 ff.

«программной» работе «Майн кампф», но и в неопубликованной рукописи «Второй книги», написанной в 1928 г.¹⁰ Одной из причин, побудившей А. Гитлера отказаться от ее публикации, было то, что она слишком откровенно раскрывала его завоевательные внешнеполитические замыслы и чудовищные намерения в решении «еврейского вопроса».

Даже после того, как с иллюзией в отношении возможного нейтралитета Англии в надвигавшейся «большой войне» в Европе пришлось расстаться, А. Гитлер не оставлял попыток достичь с Лондоном хоть какой-то договоренности, позволявшей ему избежать угрозы войны на два фронта. Очередную надежду на достижение компромисса дала вялотекущая «странная» война на Западе в 1940 г., последовавшая после захвата Германией Польши. Создавалось впечатление, что Англия и Франция не хотят сжигать за собой «последние мосты», все еще рассчитывая, что А. Гитлер повернет острие своего следующего удара на восток. В противном случае вермахт просто не выдержал бы объединенного удара двух западных держав в сентябре 1939 г. «Тогда бы не только судьба Польши, но и все развитие Второй мировой войны пошло по иному руслу» [Hillgruber, 1965: 34].

Разгром объединенных англо-французских сил на континенте в 1940 г., казалось, давал надежду, что на этот раз Лондон будет вынужден пойти на уступки. Об этом в разгар французской кампании, 2 июня 1940 г., А. Гитлер говорил в штабе генерал-фельдмаршала фон Рундштедта в г. Шарлевиле, задним числом объясняя свой приказ об остановке немецких танковых войск перед Дюнкерком. По его словам, Англия должна была лишь признать гегемонию Германии на континенте и даже могла не возвращать колонии. Главное — «настало время разделаться с большевизмом» [Klee, 1958: 189]. Однако британское правительство, возглавляемое к тому времени У. Черчиллем, на уступки идти не хотело.

Это стало причиной того, что выбор направления последующего удара вновь стал предметом обсуждения в немецком высшем руководстве. А. Хойзингер, начальник оперативного управления в штабе Ф. Гальдера, прокомментировал это следующим образом: «После блицкрига в Польше и Франции немецкое политическое и военное руководство находилось в состоянии неуверенности. Оно не знало, что делать, колебалось и зондировало, поставив Германию в качестве великой континентальной державы перед проблемой ведения войны против великой морской державы Англии...» [Безыменский, 1972: 12].

---

¹⁰ Hitlers zweites Buch. Ein Dokument aus dem Jahr 1928. Stuttgart, 1961. S. 163.

Если верить этому свидетельству, то у А. Гитлера не было «многоступенчатого», заранее продуманного плана войны, но подобное утверждение не в полной мере соответствует контексту происшедших событий. Вынужденный импровизировать под давлением внешних обстоятельств, фюрер настойчиво и целеустремленно рассчитывал себе дорогу для решения главной стратегической задачи на том этапе — подготовки агрессии против Советского Союза.

Тот факт, что нацистское руководство обсуждало в те месяцы и другие возможные сценарии, в том числе «периферийную стратегию» в Средиземном море (ее сторонники — Э. Редер и А. Хойзингер), целью которой было разрушение морских коммуникаций Великобритании, или «африканский» вариант, направленный на создание колониальной империи в Африке, не отменяет этой общей тенденции. В конечном счете выбор был сделан в пользу плана «Морской лев» («Зеелёве»), нацеленного на вывод Англии из войны путем подготовки десантной операции на острове, что должно было надежно обезопасить тыл Германии на западе перед лицом решающей схватки на востоке.

Однако вследствие организованной англичанами устойчивой обороны и чрезмерного риска операции по вторжению «поставить на колени» Лондон в кратчайшие сроки, как планировал Берлин, не удалось. Существует, впрочем, и иная версия по этому поводу, высказанная генерал-фельдмаршалом Г. Руншtedтом: «Мне кажется, что фюрер по сути дела не хотел вторжения в Англию <...>. Настоящая причина, почему Германия не форсировала Ла-Манш, заключается в том, что Гитлер весьма сильно рассчитывал, что он сумеет добиться политического соглашения с Англией» [цит. по: Безыменский, 1961: 130]. Важное свидетельство принадлежит также генерал-фельдмаршалу Ф. Паулюсу, хорошо осведомленному о происшедшем: «При ретроспективном рассмотрении событий мне представляется, что для последовавшего отказа от этой операции [«Зеелёве». — С.Л.] существовали следующие причины: риск и боязнь потери престижа в случае неудачи операции; надежда заставить Англию пойти на мир под простой угрозой вторжения в сочетании с подводной войной и воздушными налетами; намерение не слишком ущемлять Англию, так как Гитлер издавна надеялся достичь с ней взаимопонимания; сформировавшееся уже летом 1940 года намерение Гитлера напасть на Россию» [Безыменский, 1972: 191].

Когда в конце сентября 1940 г. стало ясно, что шансы на успех десантной операции против Туманного Альбиона носят все более призрачный характер, А. Гитлер стал связывать надежды подавить сопротивление англичан после разгрома Советского Союза. Овла-

дение его огромным ресурсным потенциалом позволяло вести затяжную войну не только с Англией, но и с США, если последние решились бы выступить на стороне Лондона. Ради этого А. Гитлер был готов пойти на риск и начать войну на два фронта.

Генерал-фельдмаршал Ф. Паулюс, привлеченный к планированию войны против СССР, так прокомментировал обстановку, в которой принималось это принципиальное решение: «В конце июля 1940 года Гитлер сообщил штабу оперативного руководства ОКВ, а также главнокомандующим тремя видами вооруженных сил, что он не исключает возможности похода против Советского Союза, и дал поручение начать предварительную подготовку. Итак, хотя война на Западе еще не была закончена, и ее исход не был окончательно ясен, Гитлер хотел отказаться от большого шанса ведения войны на один фронт и рискнуть вести войну на два фронта...» [Безыменский, 1972: 195]. Фактически это означало возвращение к стратегической схеме кануна Первой мировой войны [Gorlitz, 1960: 107].

Берлин решил оставить непокоренную Англию в тылу в расчете на скоротечный разгром СССР, в основном собственными силами. Уверенность в этом была так высока, что А. Гитлер не видел необходимости привлекать к войне против Советского государства ни Италию, ни Японию, связанных с Германией военным союзом (с 27 сентября 1940 г.). Им отводилась роль прикрытия Третьего рейха с флангов и тыла. Италия должна была создавать угрозу Великобритании в Средиземноморском бассейне, Япония — США, ее потенциальному союзнику, на Тихом океане [Кульков, 2013: 39].

Основания для такой уверенности, казалось, давали предшествующие головокружительные успехи блицкрига, существенное увеличение экономической и ресурсной базы Германии, неоспоримое преимущество вермахта перед Красной армией. К тому времени Третьему рейху удалось покорить Австрию, Чехословакию, Польшу, Нидерланды, Бельгию, Люксембург, Францию (частично оккупирована), Данию, Норвегию (впереди были Греция, Югославия и Албания), расширить коалицию за счет Болгарии, Румынии и Венгрии. В отличие от Первой мировой войны, вермахт сумел сделать то, чего не смогла добиться кайзеровская армия, — разгромить в «молниеносной» войне сильные французские войска.

Подготовка нападения на СССР велась с присущими немецкому характеру педантичностью и тщательностью. По мнению ряда экспертов, ни один военный план вермахта не разрабатывался столь фундаментально [см., например: Безыменский, 1972: 195], не прошел такого многоступенчатого анализа и отбора, прежде

чем принять наконец завершённую форму в директиве № 21 (план «Барбаросса»).

Официально вопрос о войне против Страны Советов был поставлен 21 июля 1940 г. на совещании А. Гитлера с командующими видами вооружённых сил, где были определены основные цели и замысел похода на восток¹¹. Вскоре после этого была принята общегосударственная программа по расширению пропускной способности железных и шоссейных дорог, шедших из Германии к границам СССР. Для пополнения вооружённых сил личным составом в сентябре 1940 г. был осуществлён призыв резервистов.

При разработке деталей нападения на Советский Союз был реализован многовариантный подход. На различных этапах к планированию войны против СССР привлекались как штаб оперативного руководства Верховного главнокомандования вермахта (ОКВ, от нем. Oberkommando der Wehrmacht, ОКВ) во главе с генерал-полковником А. Йодлем (непосредственное участие в работе принимал референт по делам сухопутных войск из отдела «Оборона страны» подполковник Б. Лоссберг), так и Главное командование сухопутных войск (ОКХ, от нем. Oberkommando des Heeres, ОКН) во главе с генерал-фельдмаршалом В. Браухичем (начальник Генерального штаба — генерал Ф. Гальдер), формально находившееся в подчинении ОКВ (начальник штаба — В. Кейтель). Однако ОКВ, фактически являясь личным «штабом» А. Гитлера, оформлявшим его военные замыслы и соображения, имело ограниченное влияние на ОКХ, что стало одной из причин существенных различий в представленных этими органами вариантах планирования войны против Советского Союза.

Первый вариант плана Ф. Гальдер поручил разработать начальнику штаба 18-й армии генерал-майору Э. Марксу, прикомандированному к ОКХ в качестве специального референта и имевшему репутацию крупного «специалиста по России» [Кульков, 2009: 8]. Основная идея Э. Маркса заключалась в том, чтобы «наносить только один главный удар <...> из Румынии, Галиции и Южной Польши в направлении на Донбасс, разбить находящиеся на Украине армии и вслед за этим маршировать через Киев на Москву» [Безыменский, 1972: 196]. Параллельно с генералом Э. Марксом над соображениями относительно плана войны против СССР по распоряжению Ф. Гальдера работали генерал Г. Грейфенберг и подполковник Генштаба Г. Фейерабенд, которые также пришли к мысли сделать центром приложения главных усилий вермахта южное направление [Безыменский, 1972: 197]. Планируемый удар

---

¹¹ Гальдер Ф. Военный дневник / Пер. с нем. М., 1969. Т. 2. С. 60.

должен был привести к тому, что находившиеся в районе Минска—Смоленска советские войска были бы отрезаны от Москвы и окружены. Данные разработки, основанные на идее одного главного удара, скорее всего, не докладывались А. Гитлеру.

На совещании 31 июля 1940 г., на котором присутствовали В. Браухич, Ф. Гальдер, В. Кейтель и А. Йодль, А. Гитлером были сформулированы основные элементы оперативно-стратегического замысла: 1) удар на Киев с выходом к Днепру; 2) удар через Прибалтику и Белоруссию на Москву; 3) последующий охватывающий удар с севера и юга для завоевания европейской части СССР; 4) отдельная вспомогательная операция по овладению нефтеносными районами Баку. Вопрос о направлении главного удара вермахта — на Москву или Киев — оставался открытым [Кульков, 2009: 8; *Das Deutsche Reich...* Bd. 4: 216]. Как видно из этих соображений, А. Гитлер прибегнул к классической схеме стратегического наступления, которой традиционно придерживался германский Генштаб, в том числе накануне Первой мировой войны: нанесение глубоких ударов, охватывающих главные силы противника, в целях их окружения и последующего уничтожения.

Решающее значение придавалось фактору времени, военную кампанию предполагалось осуществить в виде «молниеносной» войны, где в ходе генерального сражения (включающего ряд операций) должны были быть разгромлены основные силы русских. Нападение на СССР планировалось не позднее мая 1941 г., на «уничтожение жизненной силы России» отводилось 5 месяцев, до наступления осенней распутицы. А. Гитлер ориентировал участников совещания на разгром Красной армии в ходе «одного стремительного удара», вновь повторив, что, «если Россия будет разгромлена, Англия потеряет последнюю надежду. Тогда господствовать в Европе и на Балканах будет Германия...» [Кульков, 2009: 8]. В своих расчетах фюрер исходил из возможности капитуляции советского правительства или его свержения, в противном случае Красную армию предполагалось преследовать вплоть до Уральского хребта [Айххольц, 2002: 76].

По оценке генерал-фельдмаршала Ф. Паулюса, «генеральный штаб сухопутных войск воспринял агрессивные намерения Гитлера с двойственными чувствами. Он видел в походе против России опасный факт открытия второго фронта, а также считал возможным и вероятным вступление в войну Соединенных Штатов против Германии. Он полагал, что такой группировке сил Германия сможет противостоять только в том случае, если она успеет быстро разгромить Россию. Однако сила России представляла собой большую неизвестную величину...» [Безыменский, 1972: 195].

Проблема для военных планировщиков заключалась также в том, что им предстояло найти способы решения двух сложных задач: организации фронтального прорыва (в отличие от обходного маневра по плану Шлиффена), затем трансформации его в глубокие охватывающие удары, которые должны были замкнуться вокруг основных сил Красной армии. Главный вопрос заключался в том, где и какими силами прорывать советский фронт. Первоначальные предложения о прорыве фронта на одном направлении были признаны не соответствовавшими масштабности задачи. Для того чтобы разнообразить подходы к решению этой проблемы, к процессу планирования был привлечен генерал фон Зоденштерн, в то время начальник штаба группы армий «А» (позднее — «Юг»).

Руководствуясь принципиальными установками А. Гитлера, генерал Э. Маркс разработал оперативный проект «Восток» («Ост»), представленный Ф. Гальдеру 5 августа 1940 г. В проекте предусматривались действия уже двух ударных групп: одной — на южном, другой — на центральном, главном, направлении. Задачей первой группы было взятие Киева, второй после достижения рубежа Рогачев–Витебск предстояло нанести удар на Москву, а затем повернуть фронт на юг и во взаимодействии с южной группой немецких войск занять Украину.

Выбор главного удара обосновывался особым значением Москвы как «экономического, политического и духовного центра» Советского Союза, соответственно делался вывод о том, что овладение ею «разрушит целостность русской державы». Конечный рубеж наступления немецких войск устанавливался по линии Дон — Волга — Северная Двина. Выход на этот рубеж, по мнению Э. Маркса, заставил бы советское руководство капитулировать [Кульков, 2009: 8]. Для прикрытия северного фланга группы армий «Центр» Э. Маркс предлагал создать особую группу войск, которая должна была вести наступление в направлении нижнего течения Западной Двины, Пскова и Ленинграда.

Концептуально план Э. Маркса основывался на предположении о неспособности советских войск выдержать первый мощный концентрированный удар вермахта и полной бесперспективности попыток СССР оказать сопротивление Германии после утраты промышленных центров в европейской части страны. Что касается промышленной базы на востоке Советского Союза, то она не обладала «достаточно высокой производительностью», чтобы компенсировать понесенные потери. Возможность эвакуации советской промышленности из западных районов в восточные не рассматривалась.

Оперативный проект фон Зоденштерна в большей степени учитывал указания А. Гитлера, озвученные на совещании 31 июля.

Генерал предлагал разместить две ударные группы на флангах: северная группа должна была прорываться к Москве, южная — к Харькову, в то время как войска центральной группы (у Бреста) должны были вести сковывающие действия против сил Красной армии. Проект Зоденштерна во многом воспроизводил принципиальную схему стратегического решения, содержавшегося в плане Шлиффена.

Предложенные проекты подверглись обсуждению на ряде оперативных совещаний с участием А. Гитлера, В. Браухича, Ф. Гальдера и других генералов. Вступившему 3 сентября 1940 г. в должность первого оберквартирмейстера Генерального штаба (начальника оперативного управления) генералу Ф. Паулюсу предстояло обобщить предыдущие разработки и представить на их основе уточненный план вторжения.

Тем временем в рамках ОКВ под руководством А. Йодля подполковником Б. Лоссбергом был разработан свой оперативный проект («этюд Лоссберга»), датированный 15 сентября. «Целью кампании против России, — было сказано в этом варианте, — является: стремительными действиями уничтожить расположенную в Западной России массу сухопутных войск, воспрепятствовать отводу боеспособных сил в глубину русского пространства, а затем, отрезав западную часть России от морей, прорваться до такого рубежа, который, с одной стороны, закрепил бы за нами важнейшие районы России, а с другой — мог бы послужить удобным заклоном от ее азиатской части»¹².

В варианте Б. Лоссберга по сравнению с другими проектами содержались существенные новации. В частности, предусматривалось создание помимо двух мощных группировок на московском и киевском направлениях третьей группировки на ленинградском направлении. Для сосредоточения и развертывания немецких войск у границ СССР было предложено использовать территории не только Восточной Пруссии и оккупированной Польши, но также Румынии и Финляндии, к тому времени давших согласие на участие в агрессии против Советского Союза. Потеряв свои европейские территории и выходы к морям, Москва, по мнению Б. Лоссберга, не сможет продолжать войну, даже сохранив военную промышленность Урала [Кульков, 2009: 9].

На каждом из трех стратегических направлений намечалось развернуть: от сухопутных войск — группу армий, от военно-воздушных сил — воздушный флот. Главный удар планировалось нанести на севере. В документе по этому поводу было указано:

---

¹² Ямпольский В.Н. Указ. соч. С. 591.

«В пользу нанесения главного удара на севере говорят следующие соображения: значительно лучшие возможности сосредоточения (железнодорожные линии); заинтересованность в нанесении скорейшего поражения русским в Прибалтике; сравнительно лучшие дорожные условия на операционном направлении; возможность взаимодействия с XXI группой, действующей из Финляндии; достижимость Ленинграда и Москвы...» [Безыменский, 1972: 205].

Таким образом, Б. Лоссберг при разработке своего проекта исходил из высокой вероятности разгрома основных сил Красной армии в ходе первых приграничных сражений и развала СССР после того, как тот лишится большей части своей европейской территории. Для достижения этой цели предлагалось нанесение мощных рассекающих ударов с последующим расчленением, окружением и уничтожением советских войск в гигантских «котлах» и выходом на рубеж: нижнее течение Дона и Волги (от Сталинграда до Горького) — Северная Двина (до Архангельска). При этом допускалась возможность организованного отхода русских с западных оборонительных линий в глубь страны и нанесения контрударов по растянувшимся в ходе наступления немецким группировкам. В качестве наиболее благоприятной рассматривалась ситуация, при которой Красная армия основными своими частями оказала бы упорное сопротивление в приграничной зоне. В этом случае вермахт за счет превосходства в силах и средствах, а также маневренности нанес бы поражение советским войскам в приграничных районах, что позволило бы решить поставленные задачи в кратчайшие сроки.

Соображения Б. Лоссберга в значительной степени повлияли на выбор северного направления в качестве главного для наступления вермахта. Позже это предложение было поддержано и в проекте Генерального штаба сухопутных войск от 26 ноября 1940 г. [Безыменский, 1972: 206]. Когда речь зашла о постановке конкретных задач для групп армий, В. Браухич предложил ближайшими целями для группы армий «Север» назначить Псков и Ленинград, для группы армий «Центр» — Смоленск и Москву, а для группы армий «Юг» — Киев. Однако А. Гитлер, проявив осторожность, настоял на проведении операции в два этапа: сначала предполагалось разгромить противника в Прибалтике, создав тем самым надежную базу для последующего флангового удара на Москву. К числу первоочередных целей было отнесено взятие Ленинграда.

Необходимо отметить, что Ф. Гальдер был сторонником главного удара, предпринятого «из района сосредоточения в Восточной Пруссии и северной части Польши в общем направлении на Москву...». Преимущество этого стратегического замысла он видел

в том, что кроме прямой угрозы, создаваемой Москве, наступление с данных направлений ставило в невыгодное положение советские войска на Украине, принуждая их вести оборонительные сражения фронтом, повернутым на север [История Второй мировой войны: В 12 т. Т. 3, 1974: 231]. Кроме того, захват советской столицы, по его мнению, имел особое значение, поскольку после этого события сопротивление Красной армии (как это произошло во Франции после падения Парижа) должно было принять неорганизованный, спорадический характер и постепенно сойти на нет. Однако его предложение поддержано не было.

Принципиальную роль сыграло решение А. Гитлера (поддержанное А. Йодлем, Б. Лоссбергом и др.) о нецелесообразности эшелонирования войск, все три группы армий должны были развернуть наступление по всему фронту одновременно, чтобы оказать ошеломляющее воздействие на противника, не позволить ему передислоцировать войска на какое-либо из угрожаемых направлений [Безыменский, 1972: 207].

Идеи, изложенные в проектах Э. Маркса и Б. Лоссберга, послужили основой для завершающего планирования войны против СССР. Эта работа была в основном подытожена Ф. Паулюсом в ноябре [Кульков, 2009: 10]. Последний вариант плана предусматривал, как и в варианте Б. Лоссберга, создание трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг», которые должны были наступать соответственно на Ленинград, Москву и Киев. К восточной кампании планировалось привлечь 130–140 дивизий [Deutschland im Zweiten Weltkrieg, 1974: 370]. 5 декабря проект (с условным названием «Отто») был представлен В. Браухичем А. Гитлеру. Последний, согласившись с его основными положениями, приказал немедленно приступить к подготовке войны против СССР. При этом он потребовал, чтобы группа армий «Центр» после разгрома основных сил Красной армии в приграничных сражениях была «в состоянии повернуть значительную часть сил на север». Она должна была оказать поддержку группе армий «Север» в окружении советских войск в Прибалтике, а затем уже во взаимодействии с группой армий «Юг» продолжить наступление на Москву¹³. На основе одобренного плана Б. Лоссберг под руководством А. Йодля подготовил директиву № 21 (план «Барбаросса»), А. Гитлер подписал ее 18 декабря 1940 г.

Необходимо отметить, что представленные проекты плана войны против СССР, несмотря на существенные различия, содержали немало схожего.

---

¹³ Там же. С. 599.

Во-первых, они основывались на том, что Германии не придется вести полномасштабную войну на два фронта, за исключением сдерживающих морских и воздушных операций на западе. Англия оценивалась как неспособная в тот момент к серьезным инициативным действиям военного характера. Соответственно речь шла о необходимости ведения войны не на два, а на «полтора» фронта. «Тотальная» война как полная и всеобщая мобилизация материальных и моральных ресурсов нации (в духе Людендорфа—Секта), обусловленная возможностью затяжного конфликта, не рассматривалась в качестве актуальной. 17 августа 1940 г. на совещании в штабе ОКВ В. Кейтель, в частности, назвал «преступлением попытку создания в настоящее время таких производственных мощностей, которые дадут эффект лишь после 1941 года. Вкладывать средства можно только в такие предприятия, которые необходимы для достижения поставленной цели и дадут соответствующий эффект» [Самсонов, 2011].

Во-вторых, как и накануне Первой мировой войны, в оперативных проектах ставка была сделана на глубокие охватывающие удары, которые должны были сковать гигантскими «клещами» основные силы Красной армии, привести к их окружению и разгрому в приграничных сражениях.

В-третьих, планирование жестко увязывало политико-идеологические, военно-стратегические и экономические цели войны. Ликвидация советской государственности предполагала последующую колонизацию страны в целях максимального использования ее ресурсного потенциала. На территории Советского Союза экономический штаб ОКВ, в частности, рассчитывал захватить около 75% советской промышленности, а также необходимые сырье и продовольствие для дальнейшего ведения войн [Auf antisowjetischem Kriegskurs, 1970: 271].

В-четвертых, независимо от того, кто занимался планированием, военно-стратегические соображения основывались на существенной недооценке военного и экономического потенциала Советского Союза, который так и остался для германских генштабистов «большой неизвестной величиной». Например, 21 июля 1940 г. на совещании у А. Гитлера главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. Браухич в своем докладе заявил, что в Красной армии насчитывается всего 50–70 «хороших дивизий», поэтому для ее разгрома потребуется не более 80–100 немецких дивизий, на сосредоточение и развертывание которых у советской границы уйдет не более 4–6 недель. В связи с этим он предложил начать наступление вермахта на СССР уже осенью 1940 г. [Auf antisowjetischen Kriegskurs, 1970: 104].

В немалой степени такой недооценке сил противника способствовали недостоверные данные немецкой разведки. В частности, начальник разведотдела «Иностранные армии — Восток» полковник Э. Кинцель утверждал, что Красная армия будет разбита уже в приграничных районах, поскольку ее «парализует страх перед немецкой армией, и она будет лишена способности принять какое-либо решение» [Кульков, 2009: 9; *Das Deutsche Reich...* Bd. 4: 228].

Генерал А. Йодль был более осторожен в своих оценках, исходя из того, что для разгрома Красной армии потребуется не менее 120 дивизий, сосредоточение и развертывание которых на Восточном фронте займет около 4 месяцев. Соответственно наступление осенней распутицы и зимних холодов обуславливает необходимость отсрочки начала военных действий против Советского Союза. Эти аргументы повлияли на решение А. Гитлера о переносе нападения на СССР на следующий, 1941 год [Проэктор, 1968: 142].

Намерение высшего политического и военного руководства Германии нанести решающее поражение Красной армии в первом же ударе привело к решению о максимальном наращивании наступательных группировок вермахта в ущерб, как и накануне Первой мировой войны, сохранению стратегических резервов. Если в проекте Э. Маркса в состав предназначенных для наступления групп армий предусматривалось выделить 103 дивизии, оставив в резерве 44 дивизии, то в плане «Барбаросса» это соотношение составляло уже 125 дивизий против 28 [Кульков, 2009: 11; *Deutschland im Zweiten Weltkrieg*, 1974: 523].

Возможность того, что «война на Востоке» может принять затяжной характер, не рассматривалась в качестве заслуживающей внимания альтернативы. А. Гитлер в кругу близких генералов 9 января 1941 г. заявил: «Русские вооруженные силы являются глиняным колоссом без головы <...>. Поскольку Россию в любом случае необходимо разгромить, лучше это сделать сейчас, когда русская армия лишена руководителей и плохо подготовлена»¹⁴.

По контрасту закаленный, приобретший в предыдущих войнах огромный опыт вермахт, руководимый профессиональным командным составом, представлял на тот момент мощную военную машину. Генерал вермахта Б. Мюллер-Гиллебранд в своем труде, посвященном сухопутным войскам Германии периода Второй мировой войны, особо подчеркнул подготовленность немецких командиров к самостоятельным, инициативным действиям в условиях быстро меняющейся обстановки [Мюллер-Гиллебранд, 2002:

---

¹⁴ Kriegstagebuch des Oberkommando der Wehrmacht (Wehrmacht führungsstab), 1940–1945. Frankfurt a.M., 1965. Bd. 1. S. 258 (далее — КТВ/ОКВ).

277]. Фельдмаршал Э. Майнштейн в своих мемуарах также отметил эту особенность боевой подготовки вермахта, выгодно отличающую его от других армий¹⁵.

Превентивного удара со стороны Красной армии в Берлине не предусматривали, о чем свидетельствует немало первоисточников. В частности, 7 мая 1941 г. П. Геббельс записал в дневнике: «Русские еще ничего, кажется, не подозревают. Свои войска они развертывают таким образом, что их положение отвечает нашим интересам, лучшего мы не можем и желать». Ф. Гальдер 22 мая 1941 г. в своем дневнике отметил оборонительный характер всей конфигурации группировки Красной армии в западных приграничных округах и отсутствие признаков подготовки к наступлению¹⁶.

Безусловно, военные планировщики по долгу своей службы были обязаны рассмотреть все возможные, даже маловероятные сценарии развития событий. В частности, в проекте Б. Лоссберга был проанализирован и такой вариант действий СССР, при котором «русские захотят нас упредить и с этой целью нанесут превентивный удар по начинающим сосредотачиваться у границы немецким войскам». Однако было признано «невероятным, что русские решатся на наступление крупных масштабов, например на вторжение в Восточную Пруссию и северную часть генерал-губернаторства <...>. Видимо, на это не будут способны ни командование, ни войска»¹⁷. Подобная оценка содержалась и в разведывательных сводках, поступавших в Берлин. В частности, в сводке № 5 от 13 июня 1941 г. Генштаба сухопутных войск Германии отмечалось, что «со стороны русских, как и прежде, ожидаются оборонительные действия»¹⁸.

Тем временем после утверждения плана «Барбаросса» в Германии развернулась всесторонняя подготовка к предстоявшей войне против Советского Союза. Особое внимание было уделено военно-технической стороне вопроса. В августе 1940 г. была принята новая программа производства вооружений и боеприпасов (программа «Б»). В ней предусматривалось ускорить выпуск средних танков, противотанковых орудий и других новых видов оружия, а также в полном объеме использовать промышленный потенциал оккупированных стран для оснащения войск транспортными

---

¹⁵ Манштейн Э. Утерянные победы. М.; СПб., 1999.

¹⁶ Северный А. Собирался ли СССР напасть на Германию? Начало войны: о чем молчат фальсификаторы // Интернет-газета «Столетие». Доступ: http://www.stoletie.ru/ww2/sobiralsa_li_sssr_napast_na_germaniju_919.htm (дата обращения: 23.01.2015).

¹⁷ Там же.

¹⁸ Там же.

средствами и вооружением. Это позволило увеличить численность танковых и моторизованных соединений в составе вермахта с 12% в мае 1940 г. до 18% в июне 1941 г. Для обеспечения маневренности и согласованности боевых действий большое внимание уделялось снабжению войск устойчивой и надежной связью на всех уровнях. В этом отношении вермахт в начальный период войны не имел себе равных [Кокошин, 2014: 12]. Помимо танков германская армия в ускоренном порядке оснащалась колесными и полугусеничными бронев автомобилями и бронетранспортерами с пулеметами калибром 7,62 и 7,92 мм. Это были эффективные средства ведения маневренной войны. Учитывая превосходство Красной армии в танках, особое внимание германское военное руководство уделяло производству противотанковой артиллерии. К началу войны почти каждая немецкая пехотная дивизия имела на вооружении свыше 75 противотанковых орудий [Мюллер-Гиллебранд, 2002: 269].

Грозную силу представляли собой ВВС Германии. Входившие в состав люфтваффе воздушные флоты позволяли проводить самостоятельные воздушные операции, а также обеспечивать поддержку сухопутных войск и ВМС на различных стратегических направлениях [Великая Отечественная война 1941—1945 годов. Т. 2, 2013: 466]. К началу войны ВВС нацистской Германии, численно уступая самолетному парку Красной армии, обладали значительными преимуществами по тактико-техническим характеристикам самолетов, уровню летной и тактической подготовки пилотов, наличию боевого опыта [Кокошин, 2014: 14].

Особое внимание уделялось заблаговременной подготовке личного состава вермахта к условиям боевых действий на Восточном фронте. При формировании новых соединений за основу брались части и подразделения, имевшие боевой опыт. Оперативно-тактическая подготовка офицеров и высшего командования совершенствовалась на различных учебных курсах, в ходе многочисленных командно-штабных учений.

В связи с Балканской кампанией в середине марта 1941 г. начало операции «Барбаросса» было перенесено с мая на более поздний срок. Окончательно дата начала войны против СССР, 22 июня, была определена А. Гитлером 30 апреля 1941 г.

Для обеспечения внезапности нападения Берлин принял беспрецедентные по своему размаху и продуманности дезинформационные меры, что сыграло решающую роль в дезориентированности советского руководства относительно реальных намерений Третьего рейха. В этой сфере примерно до середины апреля 1941 г. главная задача заключалась в обеспечении скрытности сосредоточения вермахта в приграничных с Советским Союзом районах.

Передислокация немецких войск объяснялась необходимостью отвлечения внимания Лондона от якобы предстоявшего вторжения в Англию. С этой же целью создавалась видимость подготовки высадки на Британские острова из Норвегии. Разрабатываемая десантная операция на о. Крит интерпретировалась согласно распоряжению В. Кейтеля как «генеральная репетиция» высадки в Англию. День начала операции «Барбаросса» был доведен до командования армии лишь 10 июня, унтер-офицеры и рядовые вермахта были поставлены в известность о предстоящем нападении на Советский Союз лишь непосредственно перед началом боевых действий. Принятые меры дезинформации принесли свои плоды, обеспечив стратегическую внезапность вторжения.

Тем не менее, несмотря на тщательное военно-стратегическое планирование и всестороннюю подготовку вермахта, реальный ход войны против СССР стал быстро расходиться с разработанным «графиком». Вскоре выяснилось, что «по своим тактико-техническим данным (вооружение, броневая защита, проходимость) танки имевшихся типов не удовлетворяли требованиям, которые были предъявлены к ним на Востоке...» [Мюллер-Гиллебранд, 2002: 265–266], «вызывало тревогу положение с оснащением войск автотранспортом <...>. Трудности предопределялись не только количественной нехваткой автомашин, но также малой степенью пригодности их к использованию в войсках и значительной разнотипностью, чрезвычайно затруднявшей производство запасных частей...» [Мюллер-Гиллебранд, 2002: 266].

Неприятным сюрпризом для командования и личного состава вермахта стали стойкость и выносливость советского солдата, способность Красной армии продолжать сопротивление в исключительно тяжелых боевых условиях, готовность к самопожертвованию. Как отмечал участник сражений на восточном фронте Г. Метельман, «русские зарекомендовали себя умелыми, выносливыми и бесстрашными солдатами, разбивая в пух и прах наши былые предрассудки о расовом превосходстве»¹⁹. Генерал-полковник фон Клейст констатировал: «Русские с самого начала показали себя как первоклассные воины, и наши успехи в первые месяцы войны объяснялись просто лучшей подготовкой. Обретя боевой опыт, они стали первоклассными солдатами. Они сражались с исключительным упорством, имели поразительную выносливость и могли выстоять в самых напряженных боях» [цит. по: Лиддел-Гарт, 1996: 379]. К этому следует добавить быструю обучаемость советских офицеров и генералов искусству современной войны. Осмысливая

---

¹⁹ Метельман Г. Сквозь ад за Гитлера. М.: Яуза-Пресс, 2008. С. 288.

на ходу уроки первых тяжелых поражений, они в относительно короткие сроки овладели наукой побеждать, цена которой была, однако, высокой [Штоль, 2014: 6–27].

Благодаря беспрецедентной по своим масштабам переброске промышленных предприятий из угрожаемых районов на восток страны руководство Советского Союза сумело, вопреки предвоенным прогнозам немецких аналитиков, развернуть там мощную военно-экономическую базу. В свою очередь экономика Германии, несмотря на эксплуатацию экономической и ресурсной базы оккупированных стран, не справлялась с требованиями принимавшей затяжной характер войны. Потерпев поражение под Москвой, Берлин фактически ее уже проиграл, как и в начальный период Первой мировой войны. История, несмотря на специфику конкретно-исторических периодов, во многом повторилась.

* * *

Таким образом, военные теоретики кайзеровской и нацистской Германии, стремясь реализовать амбициозные политические проекты, в ходе военно-стратегического планирования были вынуждены решать схожие задачи (главная из которых заключалась в создании условий для поочередного разгрома основных противников) вследствие неготовности страны к ведению затяжной войны. В этой связи в качестве основного способа военных действий в обоих случаях была избрана «молниеносная» война, которая должна была привести к разгрому одного из оппонентов еще до того, как успеет отмобилизовать и развернуть свои силы другой. В условиях нацистской Германии одной из главных задач «молниеносной» войны стало быстрее овладение ресурсами побежденной страны для продолжения «перманентной» борьбы Германии за мировое господство. Немецкий историк Р.-Д. Мюллер, в частности, подчеркивал, что «Гитлер вкладывал в понятие блицкрига такую целеустремленную военную стратегию, которая имела своей целью получение необходимых средств для ведения длительной войны» [Das Deutsche Reich... Bd. 4, 1983: 143], т.е. непрерывно разворачивавшейся во времени и пространстве борьбы за доминирование на Европейском континенте, а затем и в мире.

Нацистское руководство пыталось учесть неблагоприятный для Германии опыт Первой мировой войны, одной из главных причин поражения в которой считались противоречия между военными и гражданскими политиками. Не допустить повторения этого должен был политический режим во главе с «полководцем-вождем», сосредоточившим в своих руках все рычаги управления обществом и армией.

Если накануне Первой мировой войны свой стратегический план Германия разрабатывала, исходя из неизбежности военных действий на два фронта, то командование вермахта, учитывая печальный опыт, до последнего рассчитывало избежать этой роковой необходимости (прежде всего за счет политико-дипломатического маневра, игры на противоречиях между основными оппонентами), чтобы не допустить формирования антигитлеровской коалиции. Первоначальный успех на этом направлении позволил Берлину добиться значительных достижений в завоевательной политике на Европейском континенте.

Различие военного планирования кайзеровской и нацистской Германии заключалось в том, что заблаговременно разработанный план войны не довлел над решениями А. Гитлера, его принципиальные стратегические установки (среди которых приоритетное место занимало завоевание ресурсной базы на территории Советского Союза) оформлялись в соответствующие военные планы по ходу действия, исходя из особенностей складывавшейся международно-политической обстановки, что придавало военно-стратегическому планированию в определенной степени импровизационный реагирующий характер. В условиях, когда решение приходилось принимать в сжатые сроки, часто на основе недостоверной и неполной информации, это неизбежно сопровождалось серьезными просчетами и ошибками.

Однако и наличие плана войны, который десятилетиями шлифовали в кайзеровской Германии и проанализировали, казалось бы, все основные «случайности», не стало, как показали события, панацеей от поражения. В очередной раз выяснилось, что ни один, даже самый тщательно отработанный план не в состоянии предусмотреть в полной мере «изменчивый» характер войны, учесть возможное влияние всех привходящих политических, военных и экономических факторов, определяющих динамику военно-политической обстановки. В этой связи в дальнейшем изучении нуждается процесс принятия военно-стратегического решения как в кайзеровской, так и в нацистской Германии, в том числе с привлечением возможностей психоистории, политической и национальной психологии.

Особый интерес по-прежнему вызывает ответ на вопрос, почему А. Гитлер решил на инициативное открытие второго фронта против Советского Союза, что, несмотря на огромный массив разнородной (но в том числе достоверной) развединформации, оказалось неожиданностью для Москвы. В частности, Г.К. Жуков по этому поводу вспоминал: «Я хорошо помню слова Сталина, когда ему докладывали о подозрительных действиях германских войск:

“Гитлер и его генералитет не такие дураки, чтобы воевать одновременно на два фронта, на чем сломали себе шею в Первую мировую войну”, и далее — “...у Гитлера не хватит сил, чтобы воевать на два фронта, а на авантюру Гитлер не пойдет”» [Великая Отечественная война: В 12 т. Т. 2, 2012: 638–639].

Объяснить это лишь эйфорией от предыдущих успехов вермахта, сумевшего в считанные недели разгромить в том числе сильную французскую армию (что стало недостижимой задачей для кайзеровских войск), а также склонностью А. Гитлера к авантюризму вряд ли достаточно. Очевидно, что, как и над руководством кайзеровской Германии, над ним довлел фактор «упущенного шанса», уходящего времени, после которого благоприятная международная обстановка для осуществления агрессии могла и не сложиться. При этом А. Гитлер осознавал рискованность задуманного предприятия. Об этом говорят тщательность, с которой осуществлялось планирование войны, а также масштабные меры, принятые для подготовки вермахта к боевым действиям на восточном направлении. Тем не менее, рассчитывая на успех, А. Гитлер не стал в тот период прибегать к «тотальной» войне (в традиции Секта—Людендорфа), предполагавшей мобилизацию всех материальных и духовных сил нации для достижения победы. В отношении Советского Союза применялся другой аспект такой войны: ее ведение всеми доступными средствами (военными, политико-дипломатическими, экономическими, психологическими) не только против вооруженных сил, но и против гражданского населения.

Несмотря на существенные различия в плане войны кайзеровской Германии и военных планах Третьего рейха, они основывались на схожих стратегических принципах. Важнейшим из них было осуществление гигантских охватывающих действий, которые должны были привести к окружению и перемалыванию основных сил противника. При этом относительно Советского Союза задача, стоявшая перед Германией, была значительно сложнее: прежде чем осуществить охватывающие действия, вермахту предстояло взломать многотысячный советско-германский фронт сразу на нескольких стратегических направлениях.

В обоих случаях ставка на превосходящую военную силу оказалась недостаточной, а само военно-стратегическое планирование страдало существенными просчетами, связанными в том числе с недооценкой политических, военных и военно-экономических возможностей противников, динамики международно-политических отношений, включая позицию своих союзников. План Шлиффена—Мольтке, в частности, исходил из предпосылки, что малочисленная армия Бельгии предпочтет капитулировать перед

лицом мощной германской армии. Однако последней неожиданно пришлось столкнуться с организованным и упорным сопротивлением бельгийцев, что нарушило «график» продвижения немцев к решающему сражению, где каждый день имел особое значение. В случае с Советским Союзом Берлин, имея относительно достоверные данные о дислокации и силе советских войск в приграничных округах, не представлял в полной мере степени устойчивости советского политического режима, мобилизационных ресурсов СССР, потенциала его военной экономики, возможности эвакуации большей части оборонных объектов из угрожаемых районов в восточные, стойкости Красной армии, способности ее командования в достаточно короткие сроки и в крайне неблагоприятной обстановке овладеть искусством ведения современной войны. Главный порок германского военно-стратегического планирования в обоих исторических периодах заключался в том, что оно не отражало реального соотношения сил между Германией и ее противниками в случае длительного характера войны.

В то время как нацистская Германия продолжала в своем планировании исходить из концепта «молниеносной» войны, ее противники, учитывая опыт 1914–1918 гг., сосредоточились на разработке концепций ведения «войны на истощение», предполагая, что победа в конфликте будет принадлежат тому, кто выдержит огромное напряжение (экономическое, моральное и собственно военное) затяжного, коалиционного противостояния. Считалось, что судьба войны решится на ее завершающей стадии в результате экономического и морального истощения противника под сокрушительными ударами набравших полную силу армий англо-франко-американской коалиции [Начальный период войны, 1974: 55].

Серьезные просчеты были допущены и в отношении возможного поведения союзников, в частности Италии, объявившей в начале Первой мировой войны нейтралитет, и Японии, уклонившейся от открытия второго фронта против Советского Союза, после того как вермахт стал терпеть там неудачи. Не оправдались надежды Берлина и на возможную выжидательную позицию Англии. Расчет на сокрушающую мощь первого удара привел к тому, что в обоих случаях накоплению стратегических резервов уделялось остаточное внимание. Это потребовало перевода в годы войны всей экономики страны на военные рельсы, что стало, однако, запоздалой и недостаточной мерой.

Анализируя причины поражения Третьего рейха, бывший начальник Генерального штаба Ф. Гальдер пришел к выводу, что Германия не могла решить «удовлетворительно» свои задачи «военными средствами». «Их должен был и мог решить политик, пойдя

с Западом против Востока или с Востоком против Запада» [Дашичев, 1965: 157]. История не терпит сослагательного наклонения, однако данная проблема является небезынтересным предметом исследования в рамках альтернативной истории с учетом того, как развивалась политика Германии в послевоенный период, особенно после ее объединения.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Айххольц Д. Цели Германии в войне против СССР // Новая и новейшая история. 2002. № 6. С. 57–62.
2. Безыменский Л.А. Германские генералы — с Гитлером и без него. М.: Соцэкгиз, 1961.
3. Безыменский Л.А. Особая папка «Барбаросса». М.: АПН, 1972.
4. Бержовский Д.В., Ляхов В.Ф. Первая мировая война 1914–1918 гг. М., 1964.
5. Блейер В., Дрехслер К., Фёрстер Г., Хасс Г. Германия во Второй мировой войне (1939–1945). М.: Воениздат, 1971.
6. Великая Отечественная война. 1941–1945. Военно-исторические очерки. Кн. 1. Суровые испытания. М., 1998.
7. Великая Отечественная война 1941–1945 годов: В 12 т. Т. 1–2. М., 2012–2013.
8. Власов Н.А. Гельмут фон Мольтке. Полководец индустриальной эпохи. СПб., 2011.
9. Дашичев В.И. Банкротство стратегии германского фашизма. Т. 2. М.: Наука, 1973.
10. Дашичев В.И. Политика и стратегия Германии накануне Второй мировой войны (1938–1939) // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № S4. С. 72–80.
11. Ерин М.Е. Был ли план Шлиффена? Спор историков // Вестник Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова. 2012. № 2 (20). С. 5–8.
12. Ерусалимский А.С. Германский империализм: история и современность. Исследования, публицистика. М.: Наука, 1964.
13. Зайончковский А.М. Мировая война 1914–1918 гг. М., 1938.
14. Зайончковский А.М. Первая мировая война. СПб.: Полигон, 2000.
15. Зомбарт В. Народное хозяйство Германии в XIX в. М.: Московский рабочий, 1924.
16. История Первой мировой войны: В 2 т. Т. 1. М., 1975.
17. Кокошин А.А. Исторические корни блицкрига // Вопросы истории. 2014. № 5. С. 3–29.
18. Кокошин А.А. Политико-военные и военно-стратегические проблемы национальной безопасности России и международной безопасности. М.: ИД ВШЭ, 2013.
19. Коленковский А.К. Маневренный период Первой мировой империалистической войны 1914 г. М.: Воениздат НКО СССР, 1940.
20. Кюль Г. Германский Генеральный штаб. М., 1922.

21. Кульков Е.Н. Актуальные проблемы Второй мировой войны. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Вестник МГИМО-Университета. 2009. № 5. С. 40–59.
22. Кульков Е.Н. Подготовка Германии и ее союзников к нападению на СССР // Великая Победа. Т. 2. Кн. 4. М.: МГИМО-Университет, 2013.
23. Лиддел-Гарт Б. «Они умеют защищаться и стоять насмерть...» // Другая война, 1939–1945. М., 1996.
24. Минц М.М. Германия в Первой мировой войне: современная немецкая историография // Первая мировая война: современная историография / Отв. ред. В.П. Любин, М.М. Минц. М.: ИНИОН РАН, 2014.
25. Мировые войны XX века: В 4 кн. Кн. 1. Первая мировая война. Исторический очерк. М., 2002.
26. Мюллер-Гиллебранд Б. Сухопутная армия Германии. 1939–1945. М., 2002.
27. Нотович Ф.И. Захватническая политика германского империализма на Востоке в 1914–1918 гг. М.: ОГИЗ; Госполитиздат, 1947.
28. Первая мировая война. Т. 1. Происхождение и основные события войны. М.: Кучково поле, 2014.
29. Писарев Ю.А. Германский империализм и Балканы: роковые решения Вильгельма II Гогенцоллерна // Новая и новейшая история. 1983. № 5. С. 60–73.
30. Покровский М.Н. Империалистская война. М., 1934.
31. Проэктор Д.М. Агрессия и катастрофа. М., 1968.
32. Свечин А.А. Постижение военного искусства. Идеи наследие А. Свечина. М., 1999.
33. Такман Б. Первый блицкриг. Август 1914. М.: АСТ; СПб.: Terra Fantastica, 1999.
34. Троян С.С. Немецкие проекты «Миттель Европы» конца XIX — начала XX века // Известия Пензенского государственного университета им. В.Г. Белинского. 2012. № 27. С. 1047–1053.
35. Тэйлор А. Борьба за господство в Европе. 1848–1918. М., 1958.
36. Фурсенко А.А. Нефтяные тресты и мировая политика (1880-е годы — 1918 г.). М., 1965.
37. Хальгартен Г. Империализм до 1914 года. Социологическое исследование германской внешней политики до Первой мировой войны. М., 1961.
38. Хаусхофер К. Панидеи в геополитике // О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
39. Хоффман И. Подготовка Советского Союза к наступательной войне. 1941 // Отечественная история. 1993. № 4. С. 129.
40. Черкасов П., Чернышевский Д. История имперской России. От Петра Великого до Николая II. М., 1994.
41. Штоль В.В. Цена Второй мировой войны // Обозреватель-Observer. 2014. № 6. С. 6–27.
42. Шубин А. Идеология фашизма: сравнительные аспекты // Война на уничтожение. М.: Фонд «Историческая память», 2014.
43. Aigner D. Hitler's ultimate aims // Aspects of the Third Reich / H.W. Koch. London, United Kingdom: Macmillan Press, 1985.

44. Auf antisowjetischen Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR. Berlin, 1970.
45. Daniel G.A. Handbuch der Geographie: 6 Aufl. Lpz.: Fues's Verlag. 1894.
46. Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sowjetunion. Bd. 4. Stuttgart, 1983.
47. Der Schlieffen plan: Analysen und Dokumente. Padeborn; München; Wien; Zürich, 2007.
48. Ehrhardt A. Kleinkrieg. Potsdam, 1935.
49. Evans R.J. The Third Reich in power. New York: Penguin Books, 2006.
50. Fischer F. Griff an der Weltmacht. Dusseldorf, 1962.
51. Franz C. Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft. Lpz.-Hedellberg Winter, 1870.
52. Grenville J.A. History of the world in the 20th century. Harvard University Press, 2000.
53. Groscurth H. Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938–1940. Stuttgart, 1970.
54. Hassel U. Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938–1944. Frankfurt a. M., 1964.
55. Hillgruber A. Hitlers Strategic, Politik und Kriegsführung 1940–1941, Frankfurt am Main, 1965.
56. Hoyer F. Ein Platz an der Sonne — Der Übergang zur wilhelminischen Weltpolitik. München, 2010.
57. Jacobsen H.-A. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt a. M., 1968.
58. Jeismann K.-E. Das Problem des Praventivkrieges im europaisiren Staatssystem. Munchen, 1987.
59. Kiliani E. v. 1914 und 1939. Die Einstellung der obersten Führungsschicht des deutschen Heeres zum Ausbruch beider Kriege // Wehrkunde. 1964. No. 11, 12.
60. Matschenz K., Richter W., Paasch W. Die Kriegsziele des deutchen Imperialismus im 1 Weltkrieg (1914–1915) // Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universitat zu Berlin, 1963.
61. Messerschmidt M. Foreign policy and preparation for war // Germany and the Second World War: the build-up of German aggression. Oxford: Oxford University Press, 1990.
62. Mombauer A. Introduction: the Fischer controversy 50 years on // Journal of Contemporary History. 2013. No. 48. Vol. 2. P. 231–240.
63. Musial B. Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen. Berlin, 2008.
64. Nolte E. Der europaische Burgerkrieg 1917–1945. Berlin, 1987.
65. Otte T.G. Outcast from history: the Fischer controversy and British historiography // Journal of Contemporary History. 2013. No. 48. Vol. 2. P. 376–396.
66. Petzold S. The social making of a historian: Fritz Fischer's distancing from bourgeois-conservative historiography, 1930–60 // Journal of Contemporary History. 2013. No. 48. Vol. 2. P. 271–289.
67. Post W. Unternehmen Barbarossa: deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940–1941. Hamburg; Berlin; Bonn, 1996.

68. Ritter G. Der Schlieffen plan. München, 1956.
69. Robertson E.M. Hitler's pre-war policy and military plans, 1933–1939. New York: Citadel Press, 1967.
70. Salewski M. Der Erste Weltkrieg. Paderborn, 2003.
71. Schnorr S.G. Liberalismus zwischen 19. und 20. Jahrhundert. Reformulierung liberaler politischer Theorie in Deutschland und England am Beispiel von Friedrich Naumann und Leonard T. Hobhouse. Baden-Baden, 1990.
72. Schweppenburg L.G. Der Kriegausbruch 1914 und der deutsche Generalstab // «Wehrwissenschaftliche Rundschau». 1963. № 3.
73. Topitsch E. Stalins Krieg: Die sowjetische Langezeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik. München, 1986.
74. Toynbee A., Toynbee V. The eve of war. London, 1958.
75. Van Evera S. The cult of offensive and the origins of the First World War. Military Strategy. Princeton-New York, 1991.
76. Weinberg G. The foreign policy of Hitler's Germany starting World War II. Chicago, Illinois: University of Chicago Press, 1980.

S.Ya. Lavrenov

**ON THE CONTINUITY
OF THE GERMAN MILITARY STRATEGIC PLANNING
IN THE FIRST HALF OF THE XX CENTURY**

*Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation
14 B. Sadovaya, Moscow, 123001*

*Lomonosov Moscow State University
1 Leninskie Gory, Moscow, 119991*

The 100th anniversary of the beginning of the World War I and the 70th anniversary of the end of the World War II renewed interest of academic community in the origins, the substance and the outcomes of these horrific conflicts. Simultaneously long-dispelled myths of preemptive and defensive character of German military planning on the eve of the two wars have re-emerged. To argue away such assertions, the author compares military and strategic planning of Germany on the eve of both the First and the Second World Wars. The first section of the paper examines plans of the German Empire's military and political leaders in the late nineteenth — early twentieth centuries. The author shows that these plans had already comprehensively developed the mechanisms of resolving those strategic dilemmas which stemmed from the country's geopolitical position and which in turn determined the substance of military planning. The second section examines the lessons drawn by the German strategists from the defeat in the World War I. The author emphasizes that the German military commanders remained committed to the concept of blitzkrieg. However they made several major

changes to the concept: they refined the concept of a total war and promoted the idea of accumulation of all military and political power in one hands. All these ideas laid the foundation for the Nazi Germany's military and strategic planning and stipulated its inherently aggressive expansionism. The third section of the paper focuses on development and contents of the German military plans on the eve of the World War II. The author shows that military and strategic planning of the Nazi Germany inherited all the drawbacks of the German Empire's planning, particularly, a concentration on military issues and a disregard of economic and political factors, which resulted in unduly risky and unrealistic military plans.

Keywords: World War I, World War II, Great Patriotic War, Germany, German Empire, Third Reich, military and strategic planning, blitzkrieg, total war, Soviet Union, Schlieffen plan, 'Barbarossa' plan.

About the author: *Sergei Ya. Lavrenov* — Doctor of Sciences (Political Science), Leading Research Fellow at the Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation; Leading Research Fellow at the School of World Politics, Lomonosov Moscow State University (e-mail: lavrs2009@yandex.ru).

Acknowledgements: This work has been accomplished with the financial support of the Russian Foundation for Humanities, research project № 14-31-12089 'Political and strategic underpinnings of the Third Reich planning against the USSR'.

REFERENCES

1. Aikhkol'ts D. 2002. Tseli Germanii v voine protiv SSSR [Germany's aims in war against the USSR]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 6, pp. 57–62. (In Russ.)
2. Bezymenskii L.A. 1961. *Germanskie generaly — s Gitlerom i bez nego* [German generals — with and without Hitler]. Moscow, Sotsekgiz Publ. (In Russ.)
3. Bezymenskii L.A. 1972. *Osobaya papka 'Barbarossa'* ['Barbarossa' — special dossier]. Moscow, APN Publ. (In Russ.)
4. Berzhkhovskii D.V., Lyakhov V.F. 1964. *Pervaya mirovaya voina 1914–1918 gg.* [World War I. 1914–1918]. Moscow. (In Russ.)
5. Bleier V., Dreksler K., Ferster G., Khass G. 1971. *Germaniya vo vtoroi mirovoi voine (1939–1945)* [Germany in the World War II, 1939–1945]. Moscow, Voenizdat Publ. (In Russ.)
6. *Velikaya Otechestvennaya voina. 1941–1945. Voенно-istoricheskie ocherki. Kn. 1. Surovye ispytaniya* [Great Patriotic War. 1941–1945. Military and historical essays. Vol. 1. Severe hardship]. 1998. Moscow. (In Russ.)
7. *Velikaya Otechestvennaya voiny 1941–1945 godov* [Great Patriotic War, 1941–1945]. 2012–2013, vol. 1–2. Moscow. (In Russ.)
8. Vlasov N.A. 2011. *Gel'mut fon Mol'tke. Polkovodets industrial'noi epokhi* [Helmut von Moltke. Commander of the Industrial age]. St. Petersburg. (In Russ.)

9. Dashichev V.I. 1973. *Bankrotstvo strategii germanskogo fashizma* [Bankruptcy of the Nazi Germany's strategy]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
10. Dashichev V.I. 2009. Politika i strategiya Germanii nakanune Vtoroi mirovoi voyny (1938–1939) [German politics and strategy on the eve of the World War II, 1938–1939]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. S4, pp. 72–80. (In Russ.)
11. Erin M.E. 2012. Byl li plan Shliffena? Spor istorikov [Has the Schlieffen plan ever existed? Debates among historians]. *Vestnik Yaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P.G. Demidova*, no. 2 (20), pp. 5–8. (In Russ.)
12. Erusalimskii A.S. 1964. *Germanskii imperializm* [German imperialism]. Moscow, Nauka Publ. (In Russ.)
13. Zaionchkovskii A.M. 1938. *Mirovaya voina 1914–1918 gg.* [World War of 1914–1918]. Moscow. (In Russ.)
14. Zaionchkovskii A.M. 2000. *Pervaya mirovaya voina* [World War I]. St. Petersburg, Poligon Publ. (In Russ.)
15. Sombart W. 1913. *Die deutsche Volkswirtschaft im neunzehnten Jahrhundert*. Berlin, G. Bondi [Russ. ed.: Zombart V. 1924. *Narodnoe khozyaistvo Germanii v XIX v.* Moscow, Moskovskii rabochii].
16. *Istoriya pervoi mirovoi voiny* [History of the World War I]. 1975. Moscow. (In Russ.)
17. Kokoshin A.A. 2014. Istoricheskie korni blitskriga [Historical roots of blitzkrieg]. *Voprosy istorii*, no. 5, pp. 3–29. (In Russ.)
18. Kokoshin A.A. 2013. *Politiko-voennye i voenno-strategicheskie problemy-natsional'noi bezopasnosti Rossii i mezhdunarodnoi bezopasnosti* [Political-military and military-strategic aspects of Russian national security and international security]. Moscow, Higher School of Economics Publishing House. (In Russ.)
19. Kolenkovskii A.K. 1940. *Manevrennyi period pervoi mirovoi imperialisticheskoi voiny 1914 g.* [Maneuver battles during the First Imperialistic War of 1914]. Moscow, Voenizdat NKO SSSR Publ. (In Russ.)
20. Kuhl H.V. 1920. *Der Deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchfuhrung des Weltkrieges*. Berlin, E.S. Mittler & Sohn [Russ. ed.: Kul' G. 1922. *Germanskii general'nyi shtab*. Moscow]. (In Russ.)
21. Kul'kov E.N. 2009. Aktual'nye problemy Vtoroi mirovoi voiny. Podgotovka Germanii i ee soyznikov k napadeniyu na SSSR [Relevant issues of the World War II. Germany and its allies' preparations for aggression against the USSR]. *Vestnik MGIMO-Universiteta*, no. 5, pp. 40–59. (In Russ.)
22. Kul'kov E.N. 2013. Germany and its allies' preparations for aggression against the USSR. In *Great Victory*. Vol. 2. Moscow, MGIMO-Universitet. (In Russ.)
23. Liddel-Gart B. 1996. 'Oni umeyut zashchishchat'sya i stoyat' nasmert'...' ['They know how to defend and to fight to the bitter end...']. In *Drugaya voina, 1939–1945* [The other war, 1939–1945]. Moscow. (In Russ.)
24. Mints M.M. 2014. Germaniya v pervoi mirovoi voine: sovremennaya nemetskaya istoriografiya [Germany during the World War I: contemporary German historiography]. In Lyubin V.P., Mints M.M. (eds.). *Pervaya mirovaya*

voina: *sovremennaya istoriografiya* [World War I: contemporary historiography]. Moscow, INION RAN Publ. (In Russ.)

25. *Mirovye voiny XX veka. Kn. 1. Pervaya mirovaya voina. Istoricheskii ocherk* [World wars of the XX century. Vol. 1. The World War I. Historical essay]. 2002. Moscow. (In Russ.)

26. Muller-Gillebrand B. 2002. *Sukhoputnaya armiya Germanii* [The German army, 1939–1945]. Moscow. (In Russ.)

27. Notovich F.I. 1947. *Zakhvatnicheskaya politika germanskogo imperializma na Vostoke v 1914–1918 gg.* [Expansionist policy of German imperialism in the East, 1914–1918]. Moscow, OGIz, Gospolitizdat. Publ. (In Russ.)

28. *Pervaya mirovaya voina. T. 1. Proiskhozhdenie i osnovnye sobytiya voiny* [World War I. Vol. 1. The origins and the key events]. 2014. Moscow, Kuchkovo pole Publ. (In Russ.)

29. Pisarev Yu.A. 1983. *Germanskii imperializm i Balkany: rokove resheniya Vil'gel'ma II Gogentsollerna* [German imperialism and the Balkans: the fateful decisions of Wilhelm II Hohenzollern]. *Novaya i noveishaya istoriya*, no. 5, pp. 60–73. (In Russ.)

30. Pokrovskii M.N. 1934. *Imperialistskaya voina* [Imperialistic war]. Moscow. (In Russ.)

31. Proektor D.M. 1968. *Agressiya i katastrofa* [Aggression and catastrophe]. Moscow. (In Russ.)

32. Svechin A.A. 1999. *Postizhenie voennogo iskusstva. Ideinoe nasledie A. Svechina* [Comprehension of the art of war. Ideological heritage]. Moscow. (In Russ.)

33. Takman B. 1999. *Pervyi blitskrieg. Avgust 1914* [First blitzkrieg. August, 1914]. Moscow, AST Publ.; St. Petersburg, Terra Fantastica Publ. (In Russ.)

34. Troyan S.S. 2012. *Nemetskie proekty ‘Mittel’ Evropy’ kontsa XIX — nachala XX vekov* [German projects of ‘Mitteleuropa’ in the late nineteenth — early twentieth centuries]. *Izvestiya Penzenskogo gosudarstvennogo universiteta im V.G. Belinskogo*, no. 27, pp. 1047–1053. (In Russ.)

35. Taylor A.J.P. 1954. *The struggle for mastery in Europe, 1848–1918*. Oxford, Clarendon Press [Russ. ed.: Teilor A. 1958. *Bor'ba za gospodstvo v Evrope. 1848–1918*. Moscow].

36. Fursenko A.A. 1965. *Neftyanye tresty i mirovaya politika. (1880-e gody — 1918 g.)* [Oil trusts and world politics. 1880–1918]. Moscow. (In Russ.)

37. Hallgarten G.W.F. 1963. *Imperialismus vor 1914; die soziologischen Grundlagen der Aussenpolitik europäischer Grossmächte vor dem Ersten Weltkrieg*. München, Beck [Russ. ed.: Khal'garten G. 1961. *Imperializm do 1914 goda. Sotsiologicheskoe issledovanie germanskoi vneshnei politik do pervoi mirovoi voiny*. Moscow].

38. Khauskhofer K. 2001. *Panidei v geopolitike* [Pan-ideas in geopolitics]. In *O geopolitike* [On geopolitics]. Moscow, Mysl' Publ. (In Russ.)

39. Khoffman I. 1993. *Podgotovka Sovetskogo Soyuza k nastupatel'noi voine. 1941* [Soviet Union's preparations for an offensive war]. *Otechestvennaya istoriya*, no. 4, pp. 129. (In Russ.)

40. Cherkasov P., Chernyshevskii D. 1994. *Istoriya imperskoi Rossii. Ot Petra Velikogo do Nikolaya II* [History of the imperial Russia. From Peter the Great to Nicholas II]. Moscow. (In Russ.)

41. Shtol' V.V. 2014. Tsena Vtoroi mirovoi voyny [Price of the World War II]. *Obozrevatel'—Observer*, no. 6, pp. 6–27. (In Russ.)
42. Shubin A. 2014. Ideologiya fashizma: sravnitel'nye aspekty [Ideology of fascism: comparative aspects]. In *Voina na unichtozhenie* [War of annihilation]. Moscow, Fond 'Istoricheskaya pamyat'' Publ. (In Russ.)
43. Aigner D. 1985. Hitler's ultimate aims. In Koch H.W. *Aspects of the Third Reich*. London, Macmillan Press.
44. *Auf antisowjetischen Kriegskurs. Studien zur militärischen Vorbereitung des deutschen Imperialismus auf die Aggression gegen die UdSSR*. 1970. Berlin.
45. Daniel G.A. 1894. *Handbuch der Geographie*. Leipzig: O.R. Reisland.
46. *Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkrieg. Der Angriff auf die Sowjetunion*. Bd. 4. 1983. Stuttgart.
47. *Der Schlieffen plan: Analysen und Dokumente*. 2007. Padeborn, München, Wien, Zürich.
48. Ehrhardt A. 1935. *Kleinkrieg*. Potsdam.
49. Evans R.J. 2006. *The Third Reich in power*. New York, Penguin Books.
50. Fischer F. 1962. *Griff an der Weltmacht*. Dusseldorf.
51. Franz C. 1870. *Die Naturlehre des Staates, als Grundlage aller Staatswissenschaft*. Liepzig, Hedellberg Winter.
52. Grenville J.A. 2000. *History of the world in the 20th century*. Harvard, Harvard University Press.
53. Groscurth H. 1970. *Tagebücher eines Abwehroffiziers, 1938–1940*. Stuttgart.
54. Hassel U. 1964. *Von anderen Deutschland: Aus den nachgelassenen Tagebüchern, 1938–1944*. Frankfurt am Main.
55. Hillgruber A. 1965. *Hitlers Strategic, Politik und Kriegsführung 1940–1941*. Frankfurt am Main.
56. Hoyer F. 2010. *Ein Platz an der Sonne — Der Übergang zur wilhelminischen Weltpolitik*. München.
57. Jacobsen H.-A. 1968. *Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938*. Frankfurt am Main, Alfred Metzner Verlag.
58. Jeismann K.-E. 1987. *Das Problem des Praventivkrieges im europaisciren Staatssystem*. Munchen, Freiburg, K. Alber.
59. Kiliani E.V. 1964. 1914 und 1939. Die Einstellung der obersten Führungsschlicht des deutschen Heeres zum Ausbruch beider Kriege. *Wehrkunde*. No. 11, 12.
60. Matschencz K., Richter W., Paasch W. 1963. Die Kriegsziele des deutchen Imperialismus im 1 Weltkrieg (1914–1915). *Wissenschaftliche Zeitschrift der Humboldt-Universitat zu Berlin*. Berlin.
61. Messerschmidt M. 1990. Foreign policy and preparation for war. In Deist W. *Germany and the Second World War: the build-up of German aggression*. Oxford, Oxford University Press.
62. Mombauer A. 2013. Introduction: the Fischer controversy 50 years on. *Journal of Contemporary History*, no. 48, vol. 2, pp. 231–240.
63. Musial B. 2008. *Kampfplatz Deutschland. Stalins Kriegspläne gegen den Westen*. Berlin.
64. Nolte E. 1987. *Der europaische Burgerkrieg 1917–1945*. Berlin.

65. Otte T.G. 2013. Outcast from history: the Fischer controversy and British historiography. *Journal of Contemporary History*, no. 48, vol. 2, pp. 376–396.
66. Petzold S. 2013. The social making of a historian: Fritz Fischer's distancing from bourgeois-conservative historiography, 1930–60. *Journal of Contemporary History*, no. 48, vol. 2, pp. 271–289.
67. Post W. 1996. *Unternehmen Barbarossa: deutsche und sowjetische Angriffspläne 1940–1941*. Hamburg, Berlin, Bonn.
68. Ritter G. 1956. *Der Schlieffen plan*. München.
69. Robertson E.M. 1967. *Hitler's pre-war policy and military plans, 1933–1939*. New York, Citadel Press.
70. Salewski M. 2003. *Der Erste Weltkrieg*. Paderborn.
71. Schnorr S.G. 1990. *Liberalismus zwischen 19. und 20. Jahrhundert. Reformulierung liberaler politischer Theorie in Deutschland und England am Beispiel von Friedrich Naumann und Leonard T. Hobhouse*. Baden-Baden.
72. Schweppenburg L.G. 1963. Der Kriegausbruch 1914 und der deutsche Generalstab. *Wehrwissenschaftliche Rundschau*, no. 3.
73. Toynbee A., Toynbee V. 1958. *The eve of war*. London.
74. Topitsch E. 1986. *Stalins Krieg: Die sowjetische Langezeitstrategie gegen den Westen als rationale Machtpolitik*. München.
75. Van Evera S. 1991. *The cult of offensive and the origins of the First World War. Military strategy*. Princeton, New York.
76. Weinberg G. 1980. *The foreign policy of Hitler's Germany starting World War II*. Chicago, Illinois, University of Chicago Press.